Наследие Эдварда Гейна

Автор:
Влада Ольховская

Наследие Эдварда Гейна

Влада Ольховская

Леон Аграновский и Анна Солари #4

Ночная гроза обнажает тайник чудовища: в городском парке, прямо под ногами у гуляющих, захоронены десятки человеческих тел. С каждым днем дело становится все более загадочным – все жертвы разного пола, возраста, а главное, они были похищены в разных странах задолго до своей смерти. Полиция заходит в тупик, однако эксперту по серийным убийцам Анне Солари удается установить истинный мотив убийцы. Теперь она точно знает: добровольно он не остановится, его жертвой способен стать кто угодно.

А в это время братья Леон и Дмитрий Аграновские спасают опасного преступника, и он готов на многое, чтобы их отблагодарить. Поначалу ни один из братьев не собирается пользоваться услугами короля преступного мира. Но может оказаться, что скоро у них не останется выбора…

Влада Ольховская

Наследие Эдварда Гейна

Глава 1. Уэллс Кроутер

Гроза бушевала до самого утра, и ветер вторил ей, он выл, как раненый зверь, и с жадной яростью бросался на любую добычу. Вместе они напоминали стаю саранчи, не обычной, а той самой, библейской, которая разрушает все на своем пути, оставляя лишь руины и хаос. В такую ночь мало кто рисковал выйти из дома – если только не гнала нужда. Нет, куда безопасней было остаться под защитой крыши и стен, затаиться и надеяться, что это рано или поздно закончится.

Синоптики предупреждали, что так будет, что гроза придет с ураганным ветром, и нужно вести себя осторожно. Но кто ж им верит? Они не всегда угадывают. Да половина их предупреждений – так, звук пустой. Но тут они могли собой гордиться: настоящий смерч предвидели! Можно было предположить, сколько проводов он оборвет, сколько машин испортит и рекламных щитов обрушит.

Из-за буйства стихии Павел до утра не сомкнул глаз. Он хотел спать, и грозы он не боялся, но очень уж страшными были звуки за окном. Он с тоской думал: а останется ли что-нибудь от парка? Деревья там не большие, молоденькие еще, старых – пару штук, но и их жалко. А еще беседки, скамейки, поилки для птиц… Все это можно сломать. Но можно ли восстановить?

Он знал, что ничего не сумеет изменить, кто ж остановит ветер! И все равно Павлу было слишком тревожно, чтобы уснуть. Он так и пролежал всю ночь в кровати, стараясь уловить любые звуки за шумом дождя и ветра.

Ближе к рассвету стало ясно, что гроза отступает. Саранча получила свою жертву, можно лететь дальше! Павел с трудом дождался первых ясных лучей, благо рассветы были ранние чувствовалось легкое дыхание лета, до которого осталось всего ничего. Он поспешно оделся и покинул квартиру. Ему не хотелось видеть то, что проклятая гроза сотворила с парком, но он знал, что разрушение неизбежно. Уж лучше увидеть это, понять, насколько все плохо, и начать действовать!

Павел работал смотрителем много лет и считал, что ему очень повезло. Когда пришло время пенсии, он совсем растерялся – он привык жить активно, постоянно куда-то торопиться, бежать, успевать… и вдруг это все закончилось. Все, спасибо, товарищ, оттрубили свое! А он не чувствовал себя старым… да он и не выглядел старым! Ему казалось, что его просто столкнули с дороги, когда он готов был бежать дальше, наравне со всеми. Но – нет, молодым нужны рабочие места, а ты как-нибудь сам устраивай свою жизнь!

Он был не из тех, кто способен окопаться на даче в огороде или завести стариковское хобби – например, лапти какие-нибудь плести. Павел боялся, что просто сойдет с ума, когда ему подвернулась удачная вакансия. Нужно было присматривать за городским парком, построенным несколько лет назад. Да он это море зелени каждое утро из окна квартиры видел, тут и идти-то всего ничего! Павел знал, что парк в свое время был создан при поддержке щедрых спонсоров. Но он не догадывался, что они же учредили должность смотрителя, понимая, что у одного хозяина порядка будет больше, чем у десяти начальников.

Он получил работу – и сразу полюбил ее. Деревья казались Павлу живыми существами, которых он оберегал. В парке была особая атмосфера, какая-то уникальная, неповторимая тишина и чувство покоя. Павел всеми силами старался сохранить это, не только ради денег, нет, ради денег – в последнюю очередь, ему, одинокому, и пенсии бы хватило. Но тут он чувствовал, что делает что-то важное, нужное людям. Рано или поздно его не станет – все ведь смертны! А эти деревья останутся, будут радовать новые поколения и помнить его… Деревья ж живые, все помнят! Это была настоящая миссия, куда более важная, чем все годы, которые он провел на заводе.

Поэтому такие вот грозы, как эта, ночная, были для него настоящим испытанием. Павел знал, что они всегда оставляют после себя разруху. И ладно бы лавочки какие ломали – доски всегда можно сколотить! Хуже, когда они выкорчевывали деревья, тут уж часто помочь было нельзя. Приходилось прощаться с ними, как со старыми друзьями, и заказывать новые саженцы.

Вот и теперь ему нужно было понять, насколько все плохо. Павел покинул дом и быстрым шагом направился к парку. Он ожидал, что улицы будут пустыми – выходной день все-таки, в такое время тут хоть голым бегать можно, а никто не заметит! Но гроза все изменила, навязала людям свои правила.

Автомобилисты спешили узнать, пережили ли испытание стихией их железные кони. Коммунальщики собирали на улицах маленькую армию в ярких жилетах, чтобы устранять последствия ветряных игрищ. Подростки бегали туда-сюда с этими своими смартфонами, снимая все подряд. Что одному горе, другому – повод в интернете засветиться!

Павел с тоской смотрел на поваленные деревья во дворах. Если уж они, частично защищенные от ветра стенами домов, не устояли, то что тогда в парке творится?

Пожалуй, один он вряд ли справится, придется бригаду нанимать, как в прошлом году. Но сначала – увидеть все это!

Вряд ли кому-то после такого захотелось бы отправиться на прогулку или пробежку в парк, так что Павел был уверен, что компании у него не будет. Однако у ворот парка его уже дожидались двое молодых людей. Они казались сонными и не слишком впечатленными грозой, но все равно поспешили навстречу смотрителю.

Павел знал обоих. Журналист и фотограф какой-то газеты – он не помнил их имена, да это было и не важно. Они приходили в парк пару недель назад, делали репортаж о празднике, проходившем там. Павел не ожидал встретить их снова, да еще в такое утро.

– Вы что здесь делаете? – угрюмо поинтересовался он. Настроения изображать вежливость не было, он уже видел, что главная дорожка парка забросана сломанными ветками.

– Снимаем последствия урагана, – отчитался журналист.

– Почему здесь?

– Задание поступило: по всему городу. Мы решили, что в парке получится лучше всего.

Судя по равнодушному лицу фотографа, он ничего не решал, место съемки выбрал его бойкий товарищ. Да и журналист вряд ли руководствовался только красотой парка. Скорее всего, эти двое жили где-то поблизости, фотографировать дворы было слишком банально, а далеко ехать им не хотелось.

У Павла не было никакого желания таскать их с собой. Его оскорбляло такое бесцеремонное отношение к его детищу! Журналист и фотограф не любили этот парк, и сломанные деревья были для них всего лишь мусором. Так что приятней всего было бы выгнать их, да нельзя, нельзя, они даже из такой мелочи скандал раздуют. Поэтому Павел обреченно кивнул:

– Идите за мной. Может, хоть в чем-то поможете!

– Это мы всегда! – жизнерадостно соврал журналист.

Добираясь сюда, Павел еще мог надеяться, что обошлось, что серьезных последствий вообще не будет. Гроза – дело естественное, ведь так? Но не в этом случае, нет… Все было именно так плохо, как он ожидал, и даже хуже.

Многие кроны были изломаны, искалечены, их срочно нужно будет подрезать, чтобы спасти. Тяжелая металлическая мусорка перевернулась и сломала стоящую рядом скамейку. Резной указатель, который с самого начала показался Павлу плохо закрепленным, повалился в грязь. Колючие кусты шиповника собрали в своих ветвях весь мусор, какой только могли, и Павлу предстояло провести не один час, освобождая их.

Но худшее открытие ожидало его ближе к центру парка.

– Ты ж смотри, какой здоровяк пропал! – присвистнул журналист.

Впереди на лужайке лежало дерево, проигравшее бой стихии. Дуб не был старым – нет, такие деревья веками стоят и все им нипочем! Скорее, против него сработала молодость. Дерево было одним из самых высоких в парке, но все же недостаточно крепких. Да и то, что росло оно не в центре аллеи, а в стороне, среди цветников и лужаек, сыграло с ним злую шутку.

Дуб определенно был мертв. Гроза не просто сломала его, она выкорчевала его с корнем из-за затяжных дождей земля тут стала мягкой и рыхлой. Теперь массивные корни, поднимавшиеся вместе с землей, казались надгробным камнем над упавшим деревом.

Для Павла это было маленькой трагедией, для его спутников – просто красивой картинкой. Фотограф уже побежал вперед, стал щелкать этим своим аппаратом… стервятник! Что с него взять? Даже если бы Павел попытался объяснить им, что деревья – тоже живые существа, они все равно не поняли бы его.

Однако, даже не понимая, фотограф все равно вдруг отпрянул от дерева, как ошпаренный. Он как раз добрался до корней и собирался снять дерево с этого ракурса… и не смог. Тут даже сонный журналист мигом проснулся, с непониманием глядя на своего спутника.

Эти двое выбрали напряженную профессию, однако отнеслись к ней абы как и на все реагировали медленно. Павел тоже не понимал, что происходит, но замирать и пялиться на дерево не собирался. Это же его парк, его ответственность, и если случилось что-то необъяснимое, он должен узнать это первым!

Поэтому он поспешил к яме, оставшейся на месте вывернутых корней. Он не знал, что увидит там, не знал, к чему готовиться… А когда увидел, понял, что подготовиться к такому невозможно.

Среди корней и мокрой земли, как в ловушке, был пойман скелет. Нет, два скелета! Или не два?.. Вот два черепа, вот кое-как просматривающиеся через грязь шейные позвонки, вот две линии ключиц, вот начинаются две грудные клетки. Но дальше… Дальше происходит нечто чудовищное, нарушающее все мыслимые и немыслимые законы природы. Ребра переплетаются так же, как и корни, сливаются, будто сделаны они из воска и кто-то прогрел их, соединил, слепил навсегда. На уровне поясницы это уже один позвоночный столб, переходящий к тазовым костям – чуть более широким, чем у обычного человека, и все равно единым. Для двоих! И ног тоже две… Одна нижняя половина тела, две – верхние, и все это, похоже, скрывалось под деревом. Но теперь дуб погиб и за секунду до гибели раскрыл миру свою страшную тайну.

– Что это… такое? – еле слышно прошептал Павел.

Сердце билось быстро, испуганно, в ушах шумело, ему казалось, что мир кружится. Он, раньше веривший, что никогда не поддастся страху, был на грани паники. Это было самое жуткое зрелище в его жизни, и он не понимал, на что смотрит.

А вот журналист, молодой этот увалень, неожиданно понял. Судя по его тону, он и сам себе не верил, не решался просто, но иного объяснения не было. Поэтому он сумел дать ответ:

– Это, похоже, была могила сиамских близнецов…

* * *

Нужно действовать. Потому что если постоянно работать, быть при деле, ни на что не отвлекаться, то и времени на тяжелые мысли не останется. Их заглушит усталость – хотя бы отчасти. Леонид Аграновский использовал эту схему уже не раз, и обычно она неплохо помогала.

Потому что иначе теперь было нельзя. Или бежать вперед, как гончая, взявшая след, или остановиться. Но если остановиться, будет плохо, придется снова и снова переживать то, что он не мог изменить.

Его жизнь давно нельзя было назвать нормальной и стабильной… да никогда нельзя было, если задуматься! Просто много лет у него хотя бы получалось изображать какую-то норму по настоянию старшего брата. Работа, семья, зарплата, отпуск – все как у всех. Лучше стать частью толпы, чем признать, что его отец был серийным убийцей, и пойти по его стопам. Умом Леон понимал, что это не так уж плохо, что брат желает ему добра. Но лишь освободившись от навязанной нормы, он понял, что значит быть по-настоящему счастливым.

Освобождение для него было не только принятием самого себя. Нет, его свобода воплощалась в другом человеке. Он был настоящим, когда помогал выслеживать серийных убийц. Он был живым, когда рядом оставалась Анна.

Мог ли он всего год назад предположить, что так будет? Нет, вряд ли. Его судьба катилась по созданной кем-то колее, и у него не было желания что-то менять. Но встреча с Анной Солари стала для него столкновением, которое выбило его с колеи на сплошную целину снега. Белое поле без единого следа – иди, куда хочешь, но выбирай маршрут сам!

Он и пошел. Теперь у него не было семьи – зато был опыт развода. Не было безопасной стабильной работы – зато была работа, которую он любил. Вместе с бывшим сослуживцем, Ярославом, он открыл фирму, занимавшуюся аудитом частных служб безопасности. За таким вот пафосным определением пряталось умение проверить, как телохранители защищают своих боссов. Чаще всего защищали они плохо, и за дополнительные деньги Леон и Ярослав учили их, как это делать.

Так что жизнь стала куда интересней, чем раньше. А он хотел большего! Леону нужно было снова почувствовать тот азарт, который дарит охота на серийного убийцу. Преследование, схватка с равным противником, возможность спасти

кого-то – это ли не способ оценить себя? Но главное, ему хотелось, чтобы Анна снова была рядом.

Их путь к сближению был долгим и трудным. Сначала главной помехой стал его брак: для Анны это было делом принципа, препятствием, которое она даже не собиралась преодолевать. Леон не давил, он уважал ее за это. Вот только он и Лидия уже не были семьей… их свадьба когда-то была сумбурной, нужной всем, кроме Леона. Он просто смирился, потому что не видел разницы: жена должна быть, так почему не Лидия? Но уже встретив Анну, он понял разницу между настоящим желанием и простым принятием.

Лидия тогда упростила ему жизнь, она сама сделала развод неизбежным. После этого Леон ожидал, что уж теперь-то можно, получится, сложится… Но нет, не в этот раз. Пока он налаживал собственную жизнь, замуж вышла Анна.

Правда, не по любви и точно не из стремления к норме. Сначала эта новость шокировала Леона, он не понимал, что происходит, как такое возможно. Неправильно, только не для нее! Но позже он выяснил, что Анна просто спасала жизнь своему супругу, ничего больше она не хотела.

Как ни странно, эта история с фиктивным браком сблизила их, позволила по-настоящему узнать друг друга. Понять, что им лучше быть вместе! По крайней мере, Леону так казалось, да и Анна, вечно дикая и настороженная, кажется, оттаяла, начала подпускать его ближе…

А потом появился он и все испортил.

Однажды Анна вызвала Леона и Диму в свой дом поздним вечером – ей срочно понадобился хирург. Услышав об этом, Леон чуть с ума не сошел от волнения. С ее образом жизни все возможно, а уж врагов у нее хватает! Удивительно, что он вообще добрался к ней без единой аварии.

Но уже на месте он узнал, что врач нужен не ей. В ее доме лежал тяжело раненый мужчина – в итоге Дима обнаружил девять ножевых. Чудо, что он не умер, что добрался сюда и дождался помощи! Анна отказалась говорить, кто это. Но чувствовалось, что она злится на этого человека, он ей неприятен. Да она и не отрицала, что он – преступник, причем самый опасный из известных ей. Сдавать его властям было бесполезно, у таких, как он, слишком серьезные

связи. Поэтому его нужно было или убить на месте – или вылечить, потому что иначе он отомстил бы. Убить Анна не смогла, и Леон уважал ее за это.

У Димы получилось помочь этому человеку. Неделю он оставался в доме Анны под наблюдением хирурга. Но потом, когда Дима и Леон приехали на очередной осмотр, он просто исчез. Анна сказала, что его забрали «свои» и о нем можно забыть.

Вот только Леон сомневался, что все настолько просто. Анна Солари была человеком с сильной волей, со стальными нервами – жизнь заставила. И все равно встреча с незнакомцем потрясла ее. Кем бы ни был этот человек, в прошлом он наверняка играл огромную роль в ее жизни. Леон пытался мягко расспросить ее об этом, ему важно было знать. Но она не спешила откровенничать, и дошло до того, что она сбежала от него.

Точнее, официально, она уехала работать. Леон давно уже знал, что Анна сотрудничает с разными странами – пишет книги, читает лекции в академиях, консультирует. Это позволило ей жить так, как другим и не снилось. Поэтому, по идее, ему не следовало удивляться, когда ее пригласили в США – помочь местным агентам в поимке опасного преступника. Но очень уж своевременно поступило это приглашение!

Нет, ей точно хотелось уехать. Леон знал, что она доверяет ему, она тоже чувствует связь между ними. Она просто решает проблему вот таким странным способом: ставит все на паузу, чтобы можно было потом вернуться и сделать вид, что ничего не было. Ни раненого преступника, ни ее тяжелого молчания.

Леон мог бы подыграть ей, принимая эту стратегию, да не получилось. Он слишком мало знал о прошлом Анны, понимал, что сама она вряд ли расскажет. А этот тип… Он явно был ключевой фигурой в ее воспоминаниях. Она ни на кого еще так не реагировала, никогда!

Поэтому Леон отказался поднимать белый флаг. Он уважал право Анны на молчание и не собирался надоедать ей вопросами. Он ведь когда-то был полицейским, в конце концов, а потом – консультантом полиции! Он мог сам выяснить, что за незнакомец приперся умирать на ее порог.

Дима говорил, что раны были очень серьезными, чудовищная кровопотеря – чудо, что этот тип остался в живых. Хотя чудо или злой рок – тот еще вопрос! Но факт остается фактом: он выжил. Следовательно, нападение на него произошло не очень далеко от дома Анны, иначе он не успел бы добраться туда. Это значительно упростило Леону жизнь, ведь иначе он не знал бы, с чего начать – без имен и хоть каких-то фактов.

Анна жила в лесу, в отдалении от любых соседей, и это еще больше повлияло на круг поиска. Пользуясь старыми связями в полиции, Леон получил доступ к данным обо всех нападениях, которые произошли в тот день, и нашел нужное.

Это произошло в небольшом ресторане на окраине города. Камера наблюдения у входа оказалась неплохой, даже в темноте позднего вечера она дала вполне различимую картинку. Из здания вышли трое – тот самый мужчина, который потом оказался в доме Анны, и двое здоровяков за его спиной, вероятнее всего, телохранители. От крыльца они направились к автомобилю, ожидавшему их на парковке, но по пути на них напали.

Нападавших было много, Леон насчитал шестерых. Все на мотоциклах: до этого они таились в темноте, там, где не работали фонари, а потом резко рванулись вперед. Они действовали очень грамотно, и эта слаженность выдавала в них профессиональных наемников.

Но и телохранители были подготовленными ребятами. Да, они не ожидали нападения и мигом оказались окружены. И даже так они не сдались и не растерялись. Они успели достать оружие, выстрелить несколько раз, защищая шефа. Оба погибли – но погибли не зря, нескольких они ранили, завязалась драка, нападавшие упали с мотоциклов, оказались на асфальте. Нападение шло не так гладко, как было запланировано.

Незнакомец все равно должен был умереть – если бы в него стреляли, как в телохранителей. Его спасло лишь то, что для него была уготована другая участь. Леон достаточно хорошо знал методы наемников, чтобы понять: это был особый заказ. Сами они обычно стремятся побыстрее выполнить задание и свалить, пистолеты им милее всего. Если уж они решаются на другой метод убийства, такова воля заказчика, или у них с жертвой личные счеты.

Как бы то ни было, глава нападавших бросился на незнакомца с ножом. А тот оказался неожиданно хорош в ближнем бою! Глядя на него и не скажешь… Он был невысоким, хоть и не слишком низким – метр семьдесят, пожалуй. Худой, но определенно жилистый, это можно понять по движениям. Даже получив несколько ударов ножом, он не сдался. Он сопротивлялся отчаянно, мало кто на такое способен – ярость в нем победила боль, дала возможность устоять на ногах, а не стать третьим телом, истекающим кровью на асфальте.

У него получилось не только вырваться, но и перехватить один из упавших мотоциклов. Такого от него точно не ожидали! Его преследователи замешкались, потом только бросились в погоню, но было уже поздно. Он сумел скрыться, потому что хорошо знал лесные дороги вблизи дома Анны.

Больше он в объектив камер не попадал, но и так несложно было догадаться, что произошло дальше. Он добрался до нужного дома на мотоцикле – вот поэтому Леон и Дима не увидели чужую машину, подъезжая к бункеру. Мотоцикл спрятать куда проще! Раненый дошел, дополз до порога, а там уже потерял сознание. Анна, конечно, заметила его и решила помочь, даже не желая этого.

Побоище возле ресторана, естественно, привлекло внимание полиции. Свидетели, услышавшие стрельбу, позвонили, куда следовало, но прибывшие патрульные обнаружили на парковке только два мертвых тела и лужи крови. Никто из нападавших не погиб, опознаны они тоже не были. Поиски, конечно, начались, но Леон прекрасно знал, что при таких исходных данных у полиции нет ни шанса добраться до исполнителей.

Зато с определением личности погибших проблем не возникло. Они оказались личной охраной Вадима Смоленского – уважаемого бизнесмена, никак не связанного с криминальными кругами. Увидев фотографию этого Смоленского, Леон наконец получил возможность рассмотреть того, кто в доме Анны предстал перед ним окровавленным, умирающим существом.

На матерого уголовника Смоленский никак не тянул. Лицо у него было привлекательное с высокими скулами, большими карими глазами и аккуратной линией губ. Эта привлекательность оказалась на грани женоподобности, и Смоленский определенно знал об этом, он неплохо исправлял ситуацию ухоженными усами и бородой. Угольно-черные волосы добавляли его внешности что-то нездешнее, восточное, хотя аристократично бледная кожа доказывала,

что к жаркому солнцу он не привык. Видеозаписи с его участием показывали, что он не из тех красавчиков, которые ходят с лицом пластиковой куклы Кена. Смоленский был харизматичным, подвижным, обаятельным, и Леона все это раздражало.

После обнаружения охраны поползли слухи о том, что Вадим Смоленский тоже погиб или был похищен – ведь его видели в ресторане! Однако его ассистенты поспешили сообщить, что свидетели видели трех телохранителей, и куда исчез третий – неизвестно. Но это точно был не Вадим Петрович, ведь он недавно уехал в Европу по делам!

Значит, Анна знала, с кем нужно связываться, и предупредила команду Смоленского, что он жив. Они и забрали его, когда он достаточно окреп для транспортировки. Как сказала Анна, история закончилась – но чувство незавершенности осталось.

Поэтому теперь Леон старался собрать полное досье на Вадима Смоленского. Но это он напрасно! Судя по документам и тем немногим данным, что оказались в интернете, бизнесмен был безупречен. Невинен, как ребенок, добродетелен, как ангел. Никогда не нарушал закон, занимается только честным бизнесом и благотворительностью.

Это могло означать лишь одно: имя не настоящее. Назвавшись Вадимом Смоленским, этот тип состряпал себе убедительную биографию, только и всего. Обычно на такой шаг идут опасные преступники… Так ведь Анна и не скрывала, что он из таких!

А еще она сказала, что он – гений, пусть и темный. Это раздражало Леона. Впрочем, даже в своей злости он не терял осторожность, поэтому не собирался подбираться слишком близко к Смоленскому или его окружению.

Он решил идти другим путем: найти нападавших. Тот, который бил Смоленского ножом, явно был главным у них. Через него можно выйти на заказчика, а уж он-то знает, что представляет собой «святой Вадим» на самом деле.

Это было непросто, особенно при том, что Леон по-прежнему был занят на работе. Свободное время у него оставалось на сон – да и то немного! Его это устраивало. Он понятия не имел, когда освободился Анна, полетит она сразу в

Россию или у нее будут другие дела.

Он до сих пор не был уверен, что она вернется к нему.

* * *

Серая холодная земля и сухая, бледная трава болотно-зеленого цвета идеально дополняли друг друга. Это был сдержанный пейзаж, аскетичный, заставлявший забыть, что где-то совсем близко отцвела свое весна и приближалось яркое, горячее лето. Нет его в этой пустоши – и жизни тоже нет, эти равнины ей не рады.

На холодном полотне едва можно было различить бегущего человека. Сначала был только он – черная точка, единственное движение в вечном покое. Потом появились другие, следом за ним, и люди, и собаки… Они загоняли его, как загоняют зверя, и другой бы на его месте уже сдался.

Но этот, бегущий, был чем-то большим, чем простой человек, и вместе с тем – чем-то меньшим. Он не умел сдаваться, даже глядя в глаза возможной гибели. Как же иначе, если столько лет смерть была его верной подругой, молчаливой сообщницей, следовавшей за ним по пятам? Он не мог поверить, что теперь она отвернулась от него и служит другим.

Рано или поздно он поверит. У него не останется выбора.

Наблюдать за этой охотой через минималистичную, почти бесцветную съемку с высоты птичьего полета было непривычно и странно. Однако Анна Солари не рвалась туда, в эти пустые равнины, в таком героизме просто не было нужды. Все уже решилось, выхода нет, и его поймают без ее участия. Она сделала, что должна была.

Хотя на этот раз ее роль была не такой уж большой. Того, кто теперь выглядел лишь черной точкой на экране, в его родной стране прозвали Кровавым Человеком. Тут два языка не сошлись, не встретились… На русском «Кровавый Человек» звучало слишком длинно и пафосно. На родном для убийцы и его будущих палачей английском получалось куда более емко – Bloodman.

Они преследовали его много лет, не зная имени – тогда еще не зная. Но им нужно было как-то его звать. Журналисты, как часто бывает, дали им подсказку, обеспечив убийцу прозвищем. Те, кто видел хоть одно место преступления, оставленное им, вынуждены были признать, что лучшего определения и не найти.

Человек, который любит кровь, который выпускает ее, позволяет литься рекой, не думая о том, что его забавы уничтожают жизни – и тех, кто погиб, и тех, кому они были дороги. Хорошо, что это закончится.

– Поздравляю, – тихо сказала Анна, наблюдая, как линия преследователей приближается к одинокой черной точке на экране. – Вы поймали его. Как давно вы за ним охотитесь?

Она приезжала в США не первый раз, была знакома со многими здешними профессионалами. Одни были ничем не хуже своих коллег из других стран, другие оказывались так непроходимо глупы, что их впору было приглашать в кино – на роли дубовых вояк. Но человек, стоящий рядом с ней, был приятным исключением, он был одним из немногих, у кого Анна готова была учиться, признавая, что в чем-то он превзошел ее.

Она знала, что специальному агенту Герберту Кроутеру около пятидесяти пяти лет, но выглядел он намного старше. Жизнь, которую он для себя выбрал, измотала его, иссушила, отняла больше, чем должна была. Он спас сотни, если не тысячи жизней, но вряд ли он гордился этим. Рядом с Анной теперь был уставший старик, безразличный ко всему. Она подозревала, что Кровавый Человек сыграл в этом не последнюю роль.

– С самого начала, – тихо отозвался Кроутер. – Я только пришел в ФБР, когда он начал. Тогда мне казалось, что это очередной психопат, которого мы быстро поймаем… Я его поймаю! Но растянулось все на тридцать лет… Больше, чем на тридцать лет, кажется. Он всегда успевал уйти… Это такой дар. Я уже потом понял, что дар.

– Вы поймали десятки других.

– Но не его. Он – моя вечная цель… До сегодняшнего дня.

Кроутер был из числа аналитиков с редким талантом, Анна уже убедилась в этом. Он разбирался в поведении серийных убийц быстрее, чем кто бы то ни было. Да они даже серийными порой не становились благодаря ему!

Но Кровавый Человек действительно был его вечным соперником, фантомом, маячившим где-то на горизонте, но никогда не подходившим слишком близко. Так тоже бывает. То, что со своими жертвами он превращался в кровожадное чудовище, вовсе не означало, что он глуп и непредусмотрителен. Он продумывал план нападения на каждую жертву, подготавливал схему отступления и только потом давал себе волю.

Он все равно не был совершенен. Он сам себя загнал в ловушку, приехав в эти тихие края, где все друг друга знают. Совместных усилий Анны и Кроутера оказалось достаточно, чтобы найти его.

И вот уже Кровавый Человек бежит по серо-болотной равнине, за ним – охотники с собаками, над ним – бездушные дроны, и пощады на этот раз не будет.

– В этой схватке победили вы, – указала Анна. – Но не похоже, что вы рады.

– Я не рад. Я просто ничего не чувствую… Давно уже ничего не чувствую. Кроме, пожалуй, горечи…

– Горечи? Но почему?

– Потому что все это обошлось мне слишком дорого, – покачал головой Кроутер. – Так дорого, что это уже не победа. Так странно… Я пришел в эту профессию, потому что мне хотелось делать нечто по-настоящему важное. Нужное! Я хотел спасать людей.

– Вы и спасали их.

– Но не всех – и некоторых я погубил… Никто ведь в детстве не мечтает погубить тех, кто ему дороже всего! А у меня сложилось вот так… Правильные поступки не всегда ведут к награде. Иногда они приводят в твой личный ад.

Преследование было завершено. Черная линия захлестнула одинокую точку, и бежать было некуда. Но даже так Кровавый Человек не смирился. Вряд ли у него было с собой хоть какое-то оружие – или он надеялся спастись. Он понимал, что обречен, но такие, как он, не сдаются без боя. Если полицейские не будут достаточно осторожны, он им зубами горло порвет – с него станется!

Хотя вряд ли они будут небрежны. Эти люди знали, кто он такой, видели, что он делал со своими жертвами. Они сумеют его схватить, и им потребуется вся сила воли, чтобы не придушить эту гадину на месте.

– Вы слышали такую фамилию, как у меня, раньше? – задумчиво спросил Кроутер, отвлекая Анну от размышлений о Кровавом Человеке.

– Нет, не припомню…

– Это потому что вы – русская. Да и американцы не все знают… Но многие помнят Уэллса Кроутера. Он был одним из тех, кто выводил людей из обрушающихся башен-близнецов одиннадцатого сентября.

Анна лишь кивнула. Она давно усвоила, что для американцев тема теракта одиннадцатого сентября чуть ли не священна, тут можно обидеть их, даже не желая. Поэтому она предпочитала поменьше говорить об этом и побольше слушать.

К счастью, ее собеседник и не нуждался в ответе, он продолжил:

– Он многих тогда вывел – а сам выбраться не смог. В очередной раз вернувшись за людьми, он оказался под завалами. Теперь его имя на мемориальной доске, хотя он мог выжить. Но он рискнул собой – и проиграл только свою жизнь, обменяв ее на другие. Вот кто герой! А я не герой, хотя многие меня так зовут.

– Не напрасно.

– Напрасно, – отрезал Кроутер. – Именно что напрасно… Вы удивлены, что я не радуюсь. Хотите узнать, почему? Я слишком дорого заплатил, чтобы поймать его. Сделал ставку и проиграл, и из нас двоих, он больший победитель, чем я. Потому что он, попавшись, ничего не потерял. А я, чтобы поймать его, потерял

все.

Анна знала, о чем он говорит, ей рассказывали еще во время прошлого визита, когда она только познакомилась с Гербертом Кроутером.

Он преследовал Кровавого Человека много лет. Мог бы отступить, да не отступил, шел за ним по пятам, часто подбирался очень близко, иногда – сбивал планы убийцы, спасая его жертв. Кроутер был один такой, остальные агенты разве что помогали ему. Только он был силой, способной противостоять смерти.

Кровавый Человек заметил это, не мог не заметить. Семь лет назад он отомстил.

– Это было под Рождество, – указал агент, наблюдая, как пойманного убийцу конвоируют обратно к дороге. – Мой редкий отпуск. Время забыть о том, что я делаю, и сосредоточиться на семье! У меня ведь была семья, такая чудесная, редкая удача… Неповторимое счастье. Жена, двое старших детей и восьмилетняя дочь, поздний подарок для меня. Они знали, что моя работа опасна, и я тоже это знал. Поэтому я всегда старался защитить их, сделать так, чтобы он не нашел их.

– Но он нашел? – спросила Анна. Ей показалось, что она чувствует на коже дуновение декабрьского ветра.

– Нашел… Он всегда умел находить то, что ему нужно. Думаю, в тот день он пришел и за мной. Для него это был бы праздник – у меня на глазах уничтожить все, что было мне дорого, а потом искупаться в моей крови. Его мечта! Но ему не повезло, меня не было дома. Зато в доме была вся моя жизнь… Меня спасла младшая дочь. Это из-за нее меня не было дома.

Кроутер открыл черную кожаную сумку, которую привез с собой в наблюдательный лагерь, и достал оттуда небольшую коробку. Это определенно был подарок – яркая праздничная упаковка не давала сомневаться. Семь лет не прошли для свертка даром, бумага на углах истерлась, бантик помялся, но в целом, упаковка достойно выдержала испытание временем.

Лучше, чем должна была. Ведь предполагалось, что продержаться ей нужно совсем недолго, пока до нее не доберется маленькая хозяйка. Но для девочки, которой предназначался этот рождественский подарок, утро так и не наступило.

– Я знал, что моя маленькая Лесли просила у Санты на Рождество, – печально улыбнулся Кроутер, разглядывая сверток. – Вот только найти это мне не удалось, в наших магазинах настоящие сражения за каждую вещь идут! Конечно, мы с женой все равно купили подарки, другие, но я чувствовал – это не то. Мне хотелось баловать ее… мою позднюю радость. Поэтому, когда прямо в Сочельник знакомая владелица магазина сообщила мне, что нашла нужную вещицу, я помчался туда, к ней. Жена меня поддержала, мы оба и подумать не могли, что что-то может случиться. Из-за бурана я задержался в дороге, боялся, что пропущу Рождество… А когда я приехал, все было кончено. Я это с первого шага в дом понял… Весь первый этаж был залит кровью. Весь! Вы представляете, что это такое?

– Я соболезную вам.

Анна знала, что своим жертвам убийца вкалывал препарат, не позволявший крови свернуться, чтобы получить побольше – настоящие алые озера. Тогда в его распоряжении было четыре человека… Да, на один этаж этого хватило.

– Я понимал, что все уже кончено, но все равно на что-то надеялся. Это глупо, да?

– Это человеческая природа.

– Я звал их, – продолжил агент, словно не слыша ее. – Я не помню, что именно я говорил, но я звал их… Я готов был на все, лишь бы они остались живы! Но от меня больше ничего не зависело. Он словно хотел показать мне: я могу мешать ему сколько угодно, путаться под ногами, как жалкая собачонка. Самое главное я не изменю никогда! Их тела он оставил в разных комнатах… А головы все собрал под рождественской елкой, украшенной моими детьми. Такой вот подарок от него мне.

Она невольно вздрогнула, слушая его. Анна умела отстраняться от эмоций, только так можно было охотиться на нелюдей и не сойти с ума. Однако и ее контроль не был совершенен. Слишком сильным было горе человека, стоящего теперь рядом с ней! За семь лет оно не растворилось, не ослабло, оно осталось с ним навсегда.

– Теперь вы понимаете, кто настоящий герой, Анна? Уэллс Кроутер отдал только собственную жизнь, чтобы спасти другие. А я, спасая другие, загубил жизни тех, кто этого совсем не заслуживал.

– Этого никто не заслуживает. И решение было не за вами.

– Но вина была на мне! Я связал свою семью с Кровавым Человеком, я подверг их риску и я же не смог спасти!

– Иногда этого просто не удается избежать, – покачала головой Анна. – Поэтому я и считаю, что людям нашей профессии лучше ни с кем не сближаться. Это я и пытаюсь сделать.

– И в этом вы не правы.

Вот теперь он удивил ее. Анна заглянула ему в глаза, нахмурилась, пытаясь понять, что он имеет в виду. Разве не он сейчас должен сокрушаться, что ему, агенту ФБР, изначально не следовало заводить семью, а уж тем более решаться на позднего ребенка?

Но Кроутер считал иначе:

– Только потеряв их, я понял: семья нужна таким, как мы с вами, больше, чем обычным людям. Семья нас держит, семья – наш якорь! Выбирая такую профессию и постоянно сталкиваясь с безумцами, мы словно ныряем в штормовой океан. Если нет никакой опоры или хотя бы ориентира, нас просто уносит далеко от берега. Его уже не найти, и из потерянных людей мы превращаемся в акул, за которыми охотились. Чем мы, по сути, отличаемся от них?

– Всем.

– Да ничем, на самом-то деле! Точнее, ключевое отличие только одно: мы умеем чувствовать. Но что толку, если мы будем запрещать себе это делать?

В памяти мелькнул Леон. Она не была удивлена, она знала, почему.

– Можно любить на расстоянии, – заметила Анна. – Не втягивая никого в свою жизнь, не ставя под угрозу.

– Это будет не то же самое. Любить – это не то же самое, что пойти в музей да на картину полюбоваться. Любить – это и брать, и отдавать. Чувствовать все, получить причину спешить домой… причину не быть зверем. Он не убил меня в тот день, но он своего добился: я перестал жить. У меня осталась только охота, и постепенно я стал таким, как он.

– Вы не такой, как он.

– Моя участь куда печальнее, – согласился Кроутер. – Он движется туда, куда хочет. Я куда меня вынудили двигаться. Но оба мы – существа, которым не место среди нормальных людей, потому что мирной жизни для нас просто нет. Безумием тоже можно заразиться, Анна, как заразился я. Есть только одна защита: люди, которые не позволяют нам стать монстрами.

В его тоне было что-то странное, и оно катастрофически не нравилось Анне. Обычно люди, говорившие таким голосом, не были ее друзьями, поэтому она понятия не имела, что делать, как поступить.

Словно желая успокоить ее, Кроутер улыбнулся и протянул ей сверток.

– Возьмите, пожалуйста.

Анна, не ожидавшая такого, инстинктивно приняла подарок, а что делать с ним – не знала, ей только и оставалось, что растерянно крутить его в руках. Наощупь потрепанная упаковочная бумага была мягкой и очень тонкой.

– Что мне с этим делать?

– Оставьте себе. Я хранил эту вещь с тех пор, как напоминание о том, что я должен сделать. Но теперь все закончилось… и для меня тоже. Моя миссия выполнена, моя цель достигнута. А у вас еще все впереди, вы молодая… и вы лучше меня. Надеюсь, для вас все сложится по-другому.

– Так ведь и для вас еще не закончилось! – возразила Анна. – Он наконец-то пойман и будет наказан, вы можете начать новую жизнь!

– Дело ведь не в возрасте… Дело в том, чем я стал под его влиянием. Что же до наказания, то и это вряд ли. По крайней мере, оно будет не таким, как он заслуживает.

– Что вы имеете в виду? Его наверняка приговорят к смерти!

Смертная казнь в США практиковалась не в каждом штате, однако Кровавый Человек много где успел отличиться, он нажил серьезных врагов. Его наверняка будут судить там, где его судьба сложится предсказуемо.

– Да, его, скорее всего, приговорят к смерти, но, возможно, не казнят, – пожал плечами Кроутер.

– Почему это?

– Сначала будет долгий суд. Он отнимал жизни тридцать лет, то еще будет разбирательство! Потом, когда приговор все-таки огласят, его адвокаты подадут апелляцию, и будет новое заседание. Мы говорим не про месяцы даже – годы! Все это время ублюдок будет в центре внимания. Его имя узнают повсюду, он даст десятки интервью, он успеет написать книгу, про него снимут фильмы. Найдется идиотка, которая захочет выйти за него замуж и родить ему детей. Возможно, даже не одна, такие бесхребетные шлюхи на каждом суде появляются. Как вам такой вариант? Разве это наказание?

– Возможно, все сложится иначе, – предположила Анна.

Но у нее при всем желании не получилось изобразить должную уверенность. Она и сама знала, что такие, как Кровавый Человек, не испытывают раскаяния. Он будет греться в лучах славы, а родственники его жертв, наблюдающие за этим, – снова страдать.

– Если суд все-таки случится, этот выродок станет легендой, как и остальные твари до него, – задумчиво добавил Кроутер.

– «Если»? – повторила Анна. – Какие еще могут быть варианты, кроме суда?

– Не важно. Смотрите, вот и он.

Конвоиры доставили в лагерь пойманного убийцу. Он устал, да и по земле его повозили, но сломленным он не выглядел. И чудовищем – тоже.

На первый взгляд он казался нормальным, ничем не примечательным, среднестатистическим. Среднего роста, самой обычной комплекции – не гора мышц, не тонкий, опасный змей. Мягкие черты лица – пухлые губы, одутловатые щеки, скошенный подбородок. Не страшный. И только светло-голубые глаза выдавали, что скрывается внутри него – умные, злые глаза, с презрением разглядывавшие полицейских и следователей.

Впрочем, даже это было результатом обстоятельств. Здесь все знали его истинную суть, не было нужды скрываться. А ведь он это умел! Он работал учителем в начальных классах, добровольно помогал местной церкви по хозяйству. Он был не просто обычным – он был образцовым, таким, как он, доверяют.

Но ведь это, если задуматься, куда хуже, чем быть откровенным монстром.

Даже сейчас он не был подавлен своим положением. Мрачное предсказание Кроутера уже начало сбываться: Кровавый Человек не считал свою поимку трагедией. Он охотился много лет и получил от этого истинное наслаждение. Скорее всего, он давно принял свою поимку как необходимость. И его это не пугало! Если бы он боялся суда и тюрьмы, он бы не сдался живым, за то время, пока он убегал по серой равнине, у него был шанс убить себя.

Он и не собирался этого делать. Он воспринимал все, что происходило с ним теперь, как новый этап своего существования. Возможно, он уже продумывал вступление к автобиографии.

И он знал, что его давний противник не испытывает триумфа от своего успеха. Он ведь украл у Кроутера саму возможность радоваться!

На обветренных губах Кровавого Человека играла самодовольная ухмылка.

– А, агент Кроутер, какая встреча! Давно не виделись, но я знал, что вы придете на финал. Как вам? Не слишком ли быстро все закончилось?

– А все еще и не закончилось, – невозмутимо указал Кроутер. – Конец будем другим.

– Это каким же?

Убийца старался делать вид, что ему все равно, однако он занервничал. Он, как и Анна, почувствовал странную решимость собеседника.

А Кроутер не собирался больше разговаривать с ним. Он повернулся к Анне:

– Мы с вами похожи, но вы все-таки лучше меня. Постарайтесь не закончить так, как я.

Дальше счет пошел на секунды. Все с той же холодной, достойной статуи невозмутимостью Герберт Кроутер достал пистолет и выстрелил в стоящего перед ним Кровавого Человека – в живот, грудь, в шею, но не в голову, чтобы тот до последнего все чувствовал, понимая свою участь.

Чтобы маньяк успел заглянуть в глаза нового чудовища, которое он же и сотворил.

Кроутер выпустил в него все пули, кроме одной. Все произошло настолько неожиданно, что другие полицейские не успели помешать ему. Они даже не поняли до конца, что происходит! Анна поняла, но вмешиваться все равно не стала. Она слишком уважала Кроутера, чтобы отнять у него право последнего выбора.

Если бы он замедлился хоть на секунду, если бы позволил себе хоть одну паузу, его бы остановили. Но Кроутер был слишком уверен в том, что делает, чтобы допустить такую досадную ошибку. Не сводя глаз с убийцы, истекающего кровью у его ног, он прижал дуло пистолета к собственному виску – и без сомнений нажал на спусковой крючок.

Глава 2. Альфред Хайндс

У Леона никогда не было много друзей, да он в них и не нуждался. Приятели были. Были сослуживцы. Были когда-то и однокурсники. Те, кто встречается на пути каждого человека, и с ними Леон прекрасно ладил. Но близкие друзья… зачем? Просто чтобы были, чтобы изобразить ту норму, о которой любил разглагольствовать его брат? Нет, до этого он так и не дошел.

Он прекрасно знал, что мало кто поймет и примет его настоящего. Леон слабо представлял себя изливающим душу за барной стойкой или посреди ночи умоляющим друга приехать и подержать его за руку, потому что у него депрессия. Со всеми проблемами, большими и маленькими, он справлялся сам, так уж привык.

Первой, кто пробился через этот барьер, была Анна. Нет, с ней он по-прежнему не откровенничал, однако это оказалось и не нужно – она понимала его без лишних слов. Но Анна Солари и не была ему другом… Вначале – может быть, но не теперь, эта роль быстро отошла на второй план. В любом случае, ей Леон доверял, а всем остальным – и не собирался.

Пока не появился Ярик. Точнее, когда на горизонте возник его бывший сослуживец Ярослав Мазенцов, Леон и не думал воспринимать его как друга. Они просто стали партнерами по бизнесу, точка. Ситуация изменилась, когда Ярик сам влез в расследование и познакомился с Анной.

Он, в отличие от Леона, не тратил время на сомнения и душевные метания. Что хорошо, что плохо, что норма – Ярика все это мало интересовало. Он относился к тем редким людям, которые умеют жить настоящим днем и не задумываются о правилах. Он даже опасное расследование воспринимал как занимательное приключение.

Леон не был уверен, что это правильно, но он, в отличие от своего брата, и не рвался устанавливать границы для других людей. Ярик оказался чертовски полезен, сейчас только это имело значение. В конце концов, он взрослый мужчина, бывший солдат. Если он готов рисковать, несмотря на все риски, это его выбор.

Вот и теперь Ярик с готовностью втянулся в дело Вадима Смоленского. Пока Леон разбирался с рабочими проектами, он сидел в интернете, звонил старым знакомым и просматривал криминальные сводки, пытаясь определить, не засветился ли где-нибудь уважаемый бизнесмен.

Наконец он с восхищением объявил:

– Ничего! Абсолютно ничего!

Они встретились в офисе фирмы. Просторный зал, где они обычно беседовали с клиентами, был залит солнечным светом. В город пришло настоящее летнее тепло, пока не заставляющее включать кондиционеры. Леон старался думать только об этом: о самой прекрасной поре года, а не о том, что Анна задержалась в своем путешествии и вестей от нее не было уже давно.

– Если ты ничего не нашел, то почему ты так радуешься? – проворчал Леон.

Он сидел за рабочим столом, разбирая бумаги, для этого он сюда и пришел. А у Ярика определенно не хватало терпения оставаться на месте, он метался по офису, как щенок лабрадора, пытающийся поймать солнечный зайчик.

Очень большой, похожий на викинга щенок лабрадора.

– А потому что ничего в наши времена – это уже очень много, – пояснил Ярик. – Это целое искусство! Вся система устроена так, что правила рано или поздно придется нарушить.

– Давай ты не будешь судить систему только потому, что у тебя семь штрафов от ГАИ за полгода!

– Нет, серьезно! В бизнесе, на дороге… Везде! Если жить по правилам, придется делать это очень скучно и бедно. И уж точно нельзя выйти на тот уровень бизнеса, где находится твой уважаемый птах Вадим Смоленский! Но если судить только по тому, что о нем известно, то он – святой, слеза которого исцеляет все болезни.

– Да я уже понял, что он умело зачищает следы, – указал Леон. – Этим ты меня не удивишь. От тебя я, если честно, ожидал большего.

Ярик на секунду замер, бросил на Леона возмущенный взгляд, но, не выдержав, тут же продолжил наматывать круги по офису. Значит, что-то важное он все-таки откопал.

– К хорошему быстро привыкают! – заявил он. – Вот я приучил тебя, что многое могу, и ты этого ждешь безо всякой благодарности!

– Вот тебе спасибо – волшебное слово. А теперь давай по делу.

– Короче… На Смоленского ничего нет, с этим я давно смирился. И тогда я решил провести поиск не по имени, а по лицу. У Вадима Смоленского, если задуматься, нет биографии. Точнее, она такая шаблонная, будто сочиняла студентка первого курса журналистики. Но этот тип наверняка привык жить на полную катушку, раз у него такие возможности! И я начал искать, не засветилось ли где-то это благообразное лицо.

Ярик метнулся к проектору, который они обычно использовали в переговорах с клиентами. Надо же, да он презентацией озадачился! Он – человек, который никогда не делал этого ради бизнеса. Похоже, история Вадима Смоленского успела его захватить.

Поначалу Леон не понимал, чего он мечется. Но вот на белом экране одна за другой начали появляться фотографии – и стало ясно, почему Ярик так гордился собой.

Это не был тот Смоленский, которого недавно показывали в новостях. Но это были люди, чертовски на него похожие! Вот этот отвлекает внимание ярко-рыжей бородой, однако если присмотреться – черты лица те же самые. Этот похож на Вадима, только вот лет на тридцать старше. У этого один глаз закрыт черной повязкой, яркая черта, которую все запомнят, а все остальное забудут. Но это все равно знакомое скуластое лицо!

Леон и раньше неплохо разбирался в гриме, а уж знакомство с Анной вывело его на новый уровень. Парики, цветные линзы, пластический грим, полностью менявший черты лица, накладки под одежду, позволяющие казаться полнее –

она все это умела. И Вадим Смоленский, похоже, тоже! Хотя вряд ли это было его настоящее имя…

Ярик, словно прочитав это мысли, сказал:

– Вот тут он Михаил Козлов. Вот это – Всеволод Черемухин. Это и вовсе сэр Уолтер Доннаван, гражданин Британии.

– Черт, британца-то ты как вычислил?

– Места знать надо! – гордо ухмыльнулся Ярик. – Фишка в том, что у каждого из этих типов свое имя, своя история и все такое, но никто не может сказать, где они сейчас! Леон, ты реально откопал что-то большое… Этот парень не просто создал себе идеальную личность. Он создал много таких личностей! И все они, по большому счету, еще активны, он может использовать любую из них!

Это делало Вадима Смоленского еще опасней. Понятно, почему Анна назвала его талантливым преступником! Гением даже… Он был человеком из ее прошлого. Он умел то же, что и она. Возможно, они где-то научились этому вместе? Они были по-настоящему близки? Леону не нравилась эта версия, однако отвернуться от нее он не мог.

Его успокаивало лишь то, что Анна, похоже, не была шокирована ранами Смоленского. Да, она помогла ему – спасла его! Но она злилась на него, это точно. Не боялась, а именно злилась, как ни на кого больше. Он был ее врагом, что уже неплохо, если они и были близки когда-то, то все закончилось.

Но почему она улетела?..

Ярик был далек от размышлений о чувствах Анны и ее общем прошлом со Смоленским. Он продолжал рассказывать:

– Между прочим, не все его личности так же чисты, как господин Смоленский! Есть и преступники!

– У него были проблемы с законом? – насторожился Леон.

– Проблемы были, хотя до катастрофы не дошло. Примерно половину личностей, которые я нашел, в чем-то да обвиняли. В краже, в шантаже, мошенничестве, похищении…

– В убийстве?

– В убийстве – никогда, – покачал головой Ярик. – Да и наказания за все остальное ему удалось избежать.

– Каким это образом, интересно?

– Похоже, твой новый друг неплохо знает законы – причем разных стран. В тех случаях, когда его все-таки умудрялись схватить за хвост, он сам себя защищал на суде. И защищал всегда блестяще – он знает такие тонкости закона, которые даже судья с прокурором потом находят со справочником.

– То есть, даже в случаях, когда все знают, что он виноват, он умудряется выйти сухим из воды? – догадался Леон.

– Именно! Чувак реально гений!

Вот уже второй человек называет его гением. Плохая тенденция.

– Но пару раз сухим из воды он все же не выполз, – продолжил Ярик. – И что он сделал тогда? Правильно, слил две личности, которые прокололись!

Он вывел на экран две фотографии – смуглого чернявого мужчины и рано поседевшего качка, покрытого татуировками. В этих двоих можно было распознать Смоленского, но с большим трудом, и Леону оставалось только догадываться, как Ярику удалось найти их в бесконечной череде снимков, заполонивших интернет.

– Что значит – прокололись? – уточнил Леон.

– Тут было обвинение в избиении, а тут – в шантаже, и в этих случаях нашлись доказательства, а может, просто суд наплевал на законы и признал его виновным из принципа. Дело было в жарких странах, а там, сам знаешь, свои

законы чести и все такое. Его должны были посадить, а он просто сбежал! Один раз – во время перевозки в тюрьму, от конвоя, второй – прямо из тюрьмы. Причем никто толком не может объяснить, как он это сделал! Ему не помогали, не было отряда вооруженных громил, вызволявших его. Он просто исчезал – и ищи ветра в поле!

Портрет незнакомца становился все мрачнее – и в этом совпадал с тем, что говорила о нем Анна. Получается, он не просто умен. Он еще и ловкий, явно тренированный. Он знает законы этого мира: цивилизованный подход не всегда работает, поэтому он готов, если надо, пойти другим путем.

– А я знаю, на кого он похож! – заявил Ярик.

– На отрицательного персонажа из комикса?

– Черный гений? Очень может быть! Но вообще, я имел в виду конкретного человека. Он похож на Альфреда Хайндса!

– Не знаю такого.

Да и Ярик не должен был знать. Но стоило ли удивляться? До того, как он увлекся расследованиями, у него было немало свободного времени. В их проектах Леон брал на себя разработку стратегий проверки безопасности, за которые им платили, а Ярик просто болтал с клиентами, и это у него отлично получалось. Словом, каждый занимался своим делом, но дело Ярика отнимало куда меньше времени.

Поэтому он от скуки сидел в интернете, читая все подряд, находил то, что казалось ему любопытными фактами, и сообщал о них Леону, совершенно не интересуясь, нужны они собеседнику или нет.

Вот и теперь Ярик вдохновенно вещал:

– Альфред Хайндс был преступником, да еще каким! Его даже звали «Гудини Хайндс». Он трижды сбегал из тюрем усиленного режима, годами избегал наказания. А даже когда его посадили, он использовал пробелы в законодательстве, чтобы ему дали смехотворный срок. Понимаешь, что это

значит?

– Что законы раздражающе несовершенны.

– Ну, и это тоже. Но я про то, что твой этот тип, хрен его знает, какое имя у него настоящее… Он такой же! Он смеется над системой, потому что в системе он идеален!

Это означало и кое-что другое. Если Смоленский так хорош, если уделяет такое внимание мелочам, он быстро заметит, что кто-то собирает о нем информацию. Так что все это были не просто занимательные факты, это была опасная игра.

Леон готов был принять риск – но не готов подставить Ярика. Поэтому просто гнаться за Вадимом Смоленским уже не получилось бы, однако и сдаться он не мог.

Ему нужно было найти другой путь к этому «неуловимому гению».

* * *

День обещал быть спокойным. Спокойствие, похоже, надолго вернулось в его жизнь, и Дмитрию Аграновскому это нравилось.

В какой-то момент ему казалось, что спокойствия больше не будет. Как балансировать, если у него теперь две семьи, а он привык к тому, что одна, да еще и идеальная? Но раз как раньше уже не будет, нужно приспосабливаться.

Он был рад, что ему удалось вернуть прежнюю семью. Шутка ли – он с женой половину жизни прожил! Они будто стали единым целым, срослись, сделались по-настоящему родными. Мила уже не была для него женщиной-любовницей, женщиной-мечтой. Зато она была его самым преданным другом, которому он доверял, как себе. Ну и конечно, он любил своих старших детей, свой дом, он не хотел все это терять. Он знал, что тень, брошенная изменой, вряд ли когда-нибудь исчезнет. Но и он, и Мила делали все, чтобы преодолеть этот этап и двигаться дальше вместе. Пока, кажется, получалось неплохо.

И была еще Лидия. Лидию он по-прежнему любил, хотя старательно скрывал это и от нее, и от жены. Дмитрий, пожалуй, сумел бы расстаться с ней, наступить на горло собственным чувствам – он бы справился! Но у них был общий ребенок, и это все меняло.

В какой-то момент Лидия кричала, что никогда не подпустит его к малышу, а теперь, кажется, успокоилась. Она изменилась после родов, все замечали это, хотя и не стала другим человеком. Она принимала помощь и от Дмитрия, и от Леона. Но если Леон ограничивался деньгами, то Дмитрий старался навещать ее не реже раза в неделю.

Ему нравилось смотреть, как растет его сын. Старшие дети появились у него, когда сам он был совсем юным, вечно занятым. Он, конечно, любил их, однако многое пропустил, потому что это не казалось ему по-настоящему важным. Отцовство в зрелом возрасте было другим, оно давало ему силы, о которых он раньше и не подозревал. Ему несложно было любить и первую свою семью, и Лидию с ребенком. Он не знал, как долго продлится эта удивительная гармония – все ведь когда-нибудь кончается! Но Дмитрий надеялся, что произойдет это не слишком скоро.

И уж точно не сегодня. Он привык составлять планы на всю неделю, и этот день обещал быть предельно спокойным, скучным даже. Дмитрий не собирался осматривать тела, ему нужно было разобраться с накопившимися документами. В такие моменты он был даже благодарен за извечную бюрократию, она давала ему необходимую передышку.

Утро и правда прошло быстро, незаметно, тихо. День должен был стать таким же, но к обеду в его кабинет вошел Алексей Рыбников, и Дмитрий сразу почувствовал: быть беде. Не важно, что он там запланировал, на что рассчитывал. Беда – вот она, сама пришла.

С Рыбниковым они были знакомы давно, хотя и не слишком хорошо. Алексей Петрович мог бы стать ранним пенсионером, если бы захотел, выслуга лет позволяла. Но он даже не собирался на покой. Зачем ему? Он был в великолепной форме, его даже седина не старила, а уж над его острым умом время и вовсе было не властно. Рыбникову доверяли самые сложные и опасные дела, за обычные преступления он даже не брался.

Поэтому его визит не сулил ничего хорошего. Дмитрий отложил в сторону документы и кивнул своему неожиданному гостю. Рыбников, не спрашивая разрешения, пересек кабинет и уселся в гостевое кресло. Походка у него была военная, как и раньше, лицо оставалось непроницаемым, и невозможно было понять, в каком он настроении.

– Чем могу быть полезен? – поинтересовался Дмитрий.

– Срочная командировка. Нужно ваше содействие – и вашего брата. Это можно обеспечить?

– Что?.. Но Леон давно не работает в полиции!

– Поэтому я и спрашиваю, – указал Рыбников. – Если бы он все еще работал на нас, его мнением никто бы не интересовался. Приказ есть приказ! Но, поскольку он теперь вольная птица, понадобится ваше содействие. Ну а вы едете в любом случае.

– Простите, но я ничего не понимаю! – нахмурился Дмитрий. Рыбников всегда внушал ему определенную настороженность, однако пугаться его старший эксперт не собирался. Тоже ведь не вчера на службу пришел! – Куда я еду? Какая командировка? И причем здесь Леон?

Болтать Рыбников не любил, это чувствовалось. Слова он отмерял скупо и после каждой фразы пристально смотрел в глаза собеседнику, словно пытаясь понять: догадался тот, о чем идет речь, или нужно дать еще одну подсказку.

– «Дело тридцати семи» вам известно?

– Не слышал.

– Это то, что сейчас показывают во всех криминальных новостях.

– Я не смотрю криминальные новости.

Дмитрий не врал, он в последнее время действительно старался как можно реже включать телевизор. Ему хватило криминала с лихвой, чуть с жизнью не

распрощался! Да и потом, он, связанный со смертью на работе, в свободное время хотел думать только о своих близких.

– Плохо, – поморщился Рыбников. – Непрофессионально.

– Вы сомневаетесь в моем профессионализме?

– Его могло быть больше, но будем работать с тем, что есть. Пять дней назад в городском парке одного из областных центров обнаружили тридцать семь тел. Все эти люди были убиты в срок от пятнадцати до пяти лет назад, все похоронены. Подробности мы стараемся не разглашать и не подпускаем журналистов к месту работы, но вы их знаете – они, как тараканы, везде пролезут. То, что сообщают в новостях, вам не сильно помогло бы, но вы хотя бы были готовы к этому.

Тут он не ошибся – Дмитрий оказался не готов. Тридцать семь тел?! В городском парке? Немыслимо, невозможно! Нельзя устроить целое кладбище так, чтобы этого никто не заметил!

Ситуация была настолько дикой, что Дмитрий даже не знал, с чего начать.

– Почему их вдруг обнаружили? – растерянно спросил он.

Возможно, сейчас это был не самый важный вопрос, но он первым пришел на ум.

– Сильный ветер повалил несколько деревьев, одно выкорчевал с корнями. Среди корней были обнаружены первые кости. Позже организовали поиск с собаками и специальной техникой, нашли остальные тела. Поэтому и ушло несколько дней, но сейчас высока вероятность, что все трупы обнаружены.

– И опознаны?

– Нет, – ответил Рыбников. – Опознать удалось меньшинство. Там… много не совсем обычных деталей. Но ознакомиться со всеми этими деталями вы сможете на месте. Нужно спешить, свяжитесь со своим братом.

– Так, стоп, подождите! – опомнился Дмитрий. – При чем здесь я и Леон?!

– Вы нужны, потому что считаетесь одним из лучших судмедэкспертов. Хотя скорость вашей реакции сегодня заставляет меня усомниться в этом. Вашего брата приглашают как консультанта. Он участвовал в раскрытии трех громких дел, связанных с серийными убийцами, и неплохо зарекомендовал себя.

– Вы считаете, что за этим стоит серийный убийца?

– По предварительной оценке, все тридцать семь жертв были убиты одним человеком.

Менее дикой ситуация не становилась, причем во всех отношениях. Дмитрий еще мог мысленно отстраниться от преступления: там и правда какая-то чертовщина творится, если удастся разобраться, то только на месте. И все равно не понятно, при чем здесь Леон!

Это ведь не американская полиция, где привлечение сторонних консультантов – привычное дело. По крайней мере, если верить сериалам. Во время предыдущих расследований далеко не все были довольны тем, что делали Леон и Анна Солари. Их спасло лишь то, что победителей не судят, они и правда помогли. Но их успех многие все равно считали чистой случайностью, даже после третьего расследования. А уж следователи старой закалки, такие, как Рыбников, и вовсе не приглашают посторонних, никогда! Он мог пойти на такое, только если получил приказ сверху. Тогда, нравится ему это или нет, Рыбников должен был смириться.

Получается, Леона в это тащит кто-то из начальства. Но с чего бы? От всего этого веет каким-то подвохом!

Дмитрий знал, что, гадая, ни в чем не разберется. Лично он предпочел бы, чтобы его младшего брата не втягивали в такие истории, он по старой привычке еще надеялся защитить его от криминала. Но он уже знал, что это вряд ли возможно. Если он откажется звонить Леону сейчас, его не накажут, просто позвонит кто-то другой.

А уж Леон такую возможность не упустит! Он все равно ввяжется в это, и Дмитрий решил, что будет лучше проследить за братом лично. Поэтому он с тяжелым вздохом достал телефон.

Как и следовало ожидать, его брат за криминальными новостями как раз следил, поэтому мгновенно понял, о каком деле идет речь. И все равно Леон был поражен:

– Тридцать семь?! Даже в интернете пишут, что нашли «несколько тел». Но тридцать семь – это не несколько, это толпа! Как такое вообще возможно?

– Я знаю не больше, чем ты. Возможно, даже меньше. Леон, мне кажется, это не совсем… хм… обычно, что тебя вызывают.

– Да, это что-то странное, – согласился Леон. – Но какая разница?

– То есть – какая разница? Речь о тебе, если ты еще не понял!

– Да понял я все. Но сейчас мы не вычислим, с какого лешего меня вдруг вспомнили, это выяснится по ходу дела. А расследование точно настоящее, и считай, что я подписался.

Чего и следовало ожидать. Хотя Дмитрий не мог сказать, что его брат совсем уж безответственный. Скорее, для Леона это что-то вроде миссии, возможность сделать нечто большее, чем просто работа.

Для Дмитрия условным искуплением грехов отца была нормальная жизнь. Для Леона, значит, такая вот охота… Хотя влияние Анны Солари сыграло не последнюю роль. Хорошо все-таки, что ее нет в стране!

Своей семье Дмитрий звонил уже из машины. Ему не позволили даже заехать домой за вещами, а ведь он понятия не имел, сколько там пробудет!

– Вам выдадут командировочные, купите все, что нужно, – отрезал Рыбников. – А оборудование там есть. И вот еще что… Мне кажется, что это очевидно, но на всякий случай я все равно скажу: никакого общения с прессой, никаких утечек информации. Это дело особой важности.

– Я понимаю, все-таки тридцать семь погибших…

– Дело не только в количестве. Важно учитывать, кто эти люди.

– Вы ведь сказали, что их не опознали!

– Того, что мы уже знаем, достаточно, чтобы определить: речь идет о международном скандале.

Час от часу не легче…

Дмитрий ожидал, что Рыбников поедет с ними, но нет, следователь пока оставался в Москве. А его и Леона повезли на место в служебной машине. Это было неплохо, хотя и неудобно: теперь им было сложнее уехать оттуда по собственному желанию. Шофер оказался неразговорчивым, да и не знал он ничего толкового, поэтому пока им оставалось рассчитывать лишь на интернет.

Леон уже выяснил, что парк, в котором обнаружили тела, был открыт в две тысячи десятом году. Нет, нечто похожее там было еще с советских времен – как и во многих крупных провинциальных городах. Но со временем парк пришел в упадок, он привлекал уже не семьи с детьми, а не самых приятных членов общества.

Поэтому и зашла речь о реконструкции. Влиятельные жители города скинулись и оплатили работы. Так на месте полудикого леса появился полноценный парк с молодыми деревьями, цветами, зоной отдыха и спортивными площадками.

Горожане это место полюбили, далеко не у всех была возможность ездить на природу, и парк стал настоящим спасением. За всю его новую историю там не происходило ничего плохого. Более того, за парком числился смотритель, который появлялся там каждый день. Уж он-то должен был заметить тридцать семь захоронений!

Но он не заметил. Никто не заметил.

Теперь весь парк был перекрыт полицией, благо он уже был окружен забором, который теперь использовали как границу работ. У забора толпились люди, в основном журналисты, но без специального пропуска за ворота не пускали никого. А вот машине, доставившей Леона и Дмитрия, сразу разрешили въезд на территорию, их здесь ждали.

Уже со стороны ворот можно было разглядеть просторные шатры, установленные на центральных площадках парка. Судя по ярким цветам, изначально шатры использовались для праздников, никто не планировал, что однажды им придется играть такую роль. Но решать проблему пришлось быстро – тут уж не до внимания к деталям.

Дмитрий сразу обратил внимание, что к шатрам приставлены генераторы и кондиционеры. Значит, тут организовали неплохую систему вентиляции. Но ведь этого недостаточно! Если внутри и правда хранится тридцать семь тел, нужно нечто большее, чтобы поддерживать нужный уровень температуры в летние дни. О чем они тут только думают?!

Спрашивать об этом шофера или охрану было бесполезно. Покинув машину, Дмитрий поспешил к шатру, и Леон последовал за ним. А там их уже ждали – невысокая и очень худая женщина лет сорока.

Карина, значит… Дмитрий был знаком с ней, но экспертам такого уровня сложно не пересечься в одном городе. Они встречались на конференциях, образовательных курсах, иногда – на месте преступления, но очень редко. Карина тоже была из Москвы, не местная, и Дмитрию оставалось лишь догадываться, насколько важно это дело, раз здесь собрали столько экспертов.

– Добрый день, – кивнула им Карина. – Я помогу вам сориентироваться в лагере. Основной этап работ завершен, в земле больше никого не разыскивают, теперь мы работаем с телами. К этому все сводится.

– Почему нет толкового охлаждения? – не выдержал Дмитрий.

– А тебе сразу нужно начать с нотации, – усмехнулся Леон.

– В серьезном охлаждении нет нужды, – невозмутимо пояснила Карина. – В шатрах поддерживается необходимая прохлада, ее хватает.

– Как это – хватает? А тела?..

– Тела уже в таком состоянии, что холод им не поможет, главное, чтобы не было жары. Вы сами сейчас все увидите.

Они и правда увидели. Дмитрий за свою долгую карьеру повидал всякого, но такого никогда. Внутри шатра все было занято рядами одинаковых металлических столов. Освещение здесь организовали неплохое, и можно было разглядеть десятки тел, лежащих перед экспертами. Эти трупы провели в земле много лет, от некоторых остались лишь скелеты – да и то не целые! Они все выглядели странно, похоже, перед захоронением тела подверглись серьезной обработке.

Обнаружение тридцати семи трупов – это уже очень плохо. Но в таком состоянии… это просто за гранью привычной реальности. Дмитрий, как ни старался, не мог даже предположить, как все это можно было провернуть.

– Кто сейчас старший следователь? – спросил Леон. Он казался невозмутимым, но Дмитрий слишком хорошо знал брата, чтобы поддаться на этот трюк. Леон был так же напряжен и шокирован, как он сам.

– Зачем он вам? – удивилась Карина. – Если вы хотите ознакомиться с предварительными версиями, то их нет. Мы работаем здесь уже несколько дней, и, поверьте, никто вам не скажет, как такое возможно!

– Верю. Но мне нужно поговорить с тем, кто вызвал меня сюда. Я-то о себе высокого мнения, а вот следователи, как правило, нет. Мне любопытно узнать, зачем я им понадобился.

– На вашем присутствии настоял не следователь.

– А кто тогда? – изумился Леон.

– Вас обоих просила позвать вон та дама.

Они одновременно посмотрели туда, куда указывала Карина. По центральному проходу между столами к ним как раз приближалась молодая женщина. Невысокая, подтянутая, спортивная даже – тонкая черная ткань водолазки подчеркивает неплохо развитые мышцы. На ногах – брюки с камуфляжным узором и тяжелые ботинки. Она не пользовалась косметикой, половину лица закрывали зеркальные солнечные очки, льняные волосы подстрижены очень коротко, пусть и стильно. Она казалась еще более неуместной здесь, чем Леон, она тянула скорее на военную, чем на полицейскую. Но при этом молодая

женщина чувствовала себя уверенно, ее, в отличие от многих, не пугали мертвые тела, окружавшие ее со всех сторон. Вряд ли она сама напросилась сюда. Нет, ее позвали, может, даже уговорили ради этого вернуться в Россию…

Следовало догадаться, что в таком необычном деле понадобится помощь одного из лучших экспертов по серийным убийцам Анны Солари.

* * *

В своем решении Анна не сомневалась. Она знала, что не будет скрываться от Леона – им нужно было встретиться. А то, что все сложилось именно так, даже упростило им задачу, спасло от неловкого вступления и странных вопросов.

Потому что оба они теперь были на своей территории. Они видели задачу, которую нужно решить, они рвались вперед. Какой уже смысл оборачиваться и рассуждать, где она была, почему уехала?

Конечно, полностью закрыть глаза на то, что было, не получится. Хотя бы потому, что у нее было послание для этих двоих от человека, которого они спасли в ее доме. Он вообще встречал ее в аэропорту! Это было плохо, но не критично. Анна давно уже научилась разговаривать с ним правильно.

Здесь и сейчас он был не важен, только эти тридцать семь тел. Леон тоже понимал это. Он смотрел на нее долго, даже улыбнулся ей – нервно, как показалось Анне. Но при Диме и Карине он и не сказал бы лишнего.

Она сама приехала немногим раньше братьев Аграновских, только и успела, что познакомиться с собранными за эти дни материалами. Поэтому теперь она могла отпустить Карину и занять место проводника.

– Ты-то как в это ввязалась? – удивился Дима, когда Карина отошла.

– Веришь или нет, у остальных не такое низкое мнение обо мне, как у тебя, – пожала плечами Анна. – Есть люди, которые ценят некоторые мои способности. Да и не так уж много в этой стране специалистов по серийным убийцам.

– Ты хочешь сказать, что все это сделал один человек? – Леон обвел рукой тела, лежащие на металлических столах. – Больше похоже на какие-то мафиозные разборки или секту!

– Это могут быть мафиозные разборки или секта, не спорю. Но убивал этих людей один человек. А уж почему он это делал – будем выяснять.

По дороге из аэропорта сюда Анна постаралась найти все, что можно, о криминальной истории этого городка. Да только не было здесь никакой криминальной истории! Преступления – самые обычные. Никаких подозрительно частых пропаж, никаких трупов в канализации и прочей экзотики из фильма ужасов. Да и личности тех погибших, которых уже удалось опознать, указывали, что жертвы не имеют к городу никакого отношения.

– Жертв убили по-разному, – указала она, пока они обходили столы. – Кого-то – выстрелом, кого-то – через удушение. В некоторых случаях, определить причину смерти затруднительно, но мы еще ждем токсикологию.

– Тогда почему ты решила, что их убил один человек? – удивился Леон.

– Потому что дальше с телами происходило одно и то же.

Он мог и не заметить этого, а вот Дима уловил общие черты мгновенно. Он в этом разбирался даже лучше, чем Анна.

– Похоже, у всех не хватает костей! – указал он. – По крайней мере, у тех, которых мы миновали.

– Все верно, – кивнула Анна. – Тела пробыли в земле много лет, это оставило свой отпечаток. И все же можно установить, что у покойников уже после смерти удаляли кости, но не все и не одни и те же. Нет какой-то системы, извлечь могли что угодно. Также у тел не хватает внутренних органов и кожи. У нас есть только одно исключение, но оно уникально во всем. Идемте, я покажу вам.

Даже если бы здесь было просто тридцать семь мертвых тел, это уже был бы уникальный случай, неповторимый в своей чудовищности. Но одно из тел, найденное первым, делало его исключительным для всей истории

криминалистики.

Чтобы разместить этот труп, пришлось сдвинуть вместе два стола. Теперь на них под яркой лампой лежало то, что осталось от сиамских близнецов. Тело плохо сохранилось, но в основном из-за хода времени и влияния погоды, да еще корней дерева. Судя по отчету экспертов, у близнецов ничего не удаляли, и Анна, успевшая бегло осмотреть тело, склонна была с ними согласиться.

– Ничего себе, – присвистнул Леон. – Это то, о чем я думаю?

– Это сиамские близнецы, – кивнул Дмитрий.

– А точнее, Джессика и Мари Ластре, – добавила Анна. – Афроамериканки. И это не дань политкорректности, это их фактическое гражданство. Близнецы Ластре путешествовали по США в составе циркового шоу.

– Разве сейчас таким занимаются?

– Вполне, особенно это актуально в маленьких городках, где толковых развлечений нет. Это животных сейчас освобождают от необходимости выступать перед публикой. Люди создания с собственной волей, они могут решить, как зарабатывать на жизнь. Близнецы Ластре пропали во время гастролей в Луизиане в две тысячи десятом году.

– Ну и как они тогда оказались в провинциальном городском парке?

– Давай лучше о смысле жизни поговорим, а?

Анна пока и сама не могла понять, как это произошло. Как вообще могло произойти! После исчезновения Джессики и Мари прошло почти десять лет – хотя, если судить по состоянию трупа, они умерли вскоре после похищения. Но это никак не объясняет, как они оказались здесь! Кто пошел на это, зачем? А ведь труп даже не был разделан так, как остальные тела!

Но разобраться в этом никто не смог бы, только не сейчас. То, что происходило здесь, напоминало Анне лавину. На них со всех сторон сыпались факты, которые казались невозможными. Можно было сколько угодно кричать «Не верю!» и «Так

не бывает!», это уже ничего не могло изменить.

– Сейчас никто из нас не разберется, что здесь произошло, – заметила Анна. – Даже пытаться не стоит.

– Что тогда ты предлагаешь, взять и уехать? – возмутился Дима.

Он так и не научился контролировать свой темперамент. А зря, жизнь уже не раз указывала ему, что нужно быть сдержаннее.

– Я не для того вас сюда вызвала, чтобы вы сразу уезжали. Ты лучше вспомни, как собирают паззл! Сначала достают все детали из коробки, а потом уже начинают возиться с ними. В нашем случае, коробка упала, детали рассыпались. Нет смысла собирать картинку, не найдя все фрагменты. Нам нужно осмотреть все тридцать семь тел, узнать о них все, что можно. Работы здесь заканчиваются, нельзя навечно превращать парк в мобильный морг.

– Что будет дальше? – осведомился Дима.

– Дальше тела перевезут в Москву, у нас будет постоянный доступ к ним. Но никто не знает, как повлияет на них транспортировка. Поэтому самые важные данные мы получим только здесь и сейчас.

Они разошлись в разные стороны. Могли бы совсем разделиться, но Леон предпочел остаться рядом. Впрочем, он ни о чем ее не расспрашивал, даже если ему хотелось. Он постоянно оставался близко и говорил только по делу. Анна была благодарна ему за это.

Она сейчас не могла думать об их общем прошлом – не то состояние было. Картина, развернувшаяся перед ней, завораживала, заставляла забыть обо всем остальном. Да, это определенно серийный убийца… Ни одна секта, ни одна организация не пошла бы на такое.

У тел вырезали кости, снимали кожу, забирали органы. Причем очень часто кость удаляли лишь частично, оставляя в теле бесполезные обломки. На то, что делал это один человек, указывал угол разреза, сила, с которой были проведены манипуляции. Анна словно читала строки, написанные одним почерком!

– Он физически силен, но не очень, – задумчиво отметила она, склонившись над очередным телом. – Думаю, сильнее меня, но слабее тебя.

– Чем он орудует?

– Обычные хирургические инструменты, все – хорошего качества. Это не кустарная операционка в подвале или сарае, он работал над телами долго, тщательно, он никуда не спешил.

– Медик по образованию?

– Не факт, но очень может быть. В некоторых случаях ткани явно обрабатывали, чтобы удалять кости было проще. Он знал, что и как делать. Это тебе первый же сайт не подскажет, даже если у него нет медицинского образования, какие-то курсы он окончил – или его обучили.

Похоже, убийца, которого они ищут, неплохо обеспечен. Он мог один разделать тела, но закопать их в парке – вряд ли. Как минимум сиамские близнецы были настолько тяжелы, что не каждый человек поднял бы их. У него деньги, связи, возможности… Если он из этого городка, у них есть шанс на него выйти. Это пока было единственной зацепкой, которую видела Анна.

– Изнасилования были? – тихо спросил Леон. Чувствовалось, что тема ему неприятна, но ее нельзя было проигнорировать.

– Ни одного, если судить по тому, что мне сказали, и тому, что вижу я. Возможно, Дима найдет что-то, хотя я сильно сомневаюсь.

– Почему сомневаешься?

– Потому что такое поведение не стыкуется с сексуальным мотивом, – пояснила Анна. Смотри, что происходило… Он убивал их разными способами, но всегда быстро. Значит, боль, крики и сопротивление его не прельщают. После этого он забирал у них что-то, его основной интерес был связан с телами. Тело – это ресурс, за которым он гнался. Некрофилы так себя не ведут. Хотя… в некоторых случаях половые органы тоже отсутствуют. Поэтому я и хочу узнать, что скажет твой брат.

Они с Дмитрием Аграновским никогда не ладили, однако его мастерство Анна признавала. Если дать ему время, он определит все, что делали с этими телами. А ей как раз нужно знать все! Где их хранили, как перевозили сюда, сколько времени это все продолжалось…

И почему закончилось. Захоронения, предположительно, прекратились пять лет назад – это еще предстояло уточнить. Почему убийца остановился? Возможно, он уже мертв или остановлен кем-то? Или он нашел другой способ избавляться от жертв? В любом случае, отказываться от этого дела Анна не собиралась.

Ей это нужно было сейчас – не только как вызов, которого в ее карьере еще не было. То, что случилось с Гербертом Кроутером, до сих пор не давало ей покоя. Днем Анна еще могла отвлечься, если работа помогала. А ночью… Ночью приходили неприятные мысли.

Они с Гербертом и правда были похожи. Но его вынудили пойти дорогой одиночества, она же выбрала такой путь сама. Теперь Анна увидела, куда это приводит. Вот и что с этим делать? Ей хотелось посоветоваться с Леоном, но она просто не могла, знала, что нужных слов пока не будет.

Они осматривали тела до позднего вечера. Потом Леона отвлекли – приехал его знакомый следователь, и Анна воспользовалась этой возможностью, чтобы незаметно ускользнуть из лагеря. Обычно она так себя не вела, но сейчас иначе не получалось.

Все это будет потом – разговоры, объяснения, работа и даже решение, которое ей не хотелось принимать. Сегодня же она ни в чьем обществе не нуждалась. У нее было дело, которое требовало уединения.

Леон не должен увидеть или узнать. Это было послание для нее – и ни для кого больше.

Она вернулась в гостиницу, заперлась в своем номере. Тут было немного люксов, в тихом, ничем не примечательном городке острой потребности в них не было, но парочка достойных все же нашлась. Правда, Анну этот номер манил не столько комфортом, сколько тем, что располагался в углу здания на последнем этаже. Чем меньше у нее соседей, тем лучше.

Она не стала включать основное освещение, зажгла только небольшую лампу на прикроватной тумбочке. Ей нравился этот полумрак, он дарил ощущение, что мира просто нет, есть только она – и ее тайна, то ли подаренная, то ли навязанная ей Кроутером.

Анна достала из дорожной сумки рождественский подарок, который передал ей погибший агент, и устроилась на кровати.

Было странно вскрывать чужой подарок, странно делать то, что должен был сделать совсем другой человек. И в других обстоятельствах! Если бы судьба распорядилась иначе, упаковочную бумагу нетерпеливо разрывала бы счастливая маленькая девочка, а ее родители наблюдали бы, как она пищит от восторга, прижимая к себе долгожданный подарок. Но девочки нет, как нет и ее родителей, и у Анны было далеко не рождественское настроение. Вес подарка, совсем легкий, казался ей бесконечно тяжелым, и в какой-то момент даже захотелось отшвырнуть от себя коробку, не узнавать, просто забыть об этом. Однако она так не могла – Кроутер хотел, чтобы она знала и помнила.

Под бумагой скрывалась коробка с игрушкой – маленьким плюшевым мишкой. Обычно плюшевые игрушки не нуждаются в такой упаковке, но этот, судя по надписям, был из коллекционной серии. Их таких много было – забавных зверьков в разных нарядах. Балерина, доктор, космонавт, строитель. Все что угодно – и что ближе ребенку.

Маленькая Лесли Кроутер выбрала серебристо-белого мишку в байкерской куртке с заклепками и шипами. Утрированная брутальность образа делала пухлого зверя особенно забавным. Вот, значит, как… Малышка в папу пошла. Поэтому он и хотел порадовать ее, поэтому в последний момент сорвался в ночь, даже не зная, к чему это приведет.

Благодаря упаковке эти годы совсем не повлияли на плюшевого медвежонка. В руках Анны его мех казался особенно мягким. Она стянула перчатку с правой руки, чтобы коснуться его исчерченной шрамами кожей. Зрение непривычно затуманилось, но она быстро моргнула, и пелена исчезла, оставив после себя только жар на щеках. Она не задумывалась о том, что это значит.

Кроутер, пожалуй, хотел, чтобы она остановилась, поняла, что в жизни по-настоящему важно, и прекратила бежать наперегонки со смертью. Но Анна так

не могла – только не после того, что она увидела сегодня.

Она ведь тоже была когда-то девочкой, обреченной на смерть, совсем как Лесли Кроутер. Но она осталась в живых – а значит, у нее все будет по-другому.

Глава 3. Винсент Марселло

Он не был к такому готов. Да, Леону показалось странным то, что его позвали на место преступления. Он здраво оценивал свои способности, но помнил он и о том, что власти не слишком охотно ведут сотрудничество с консультантами. Когда другого выхода нет – да, может быть. Однако здесь расследование только началось, и не было серьезных причин привлекать кого-то со стороны.

Значит, это она позвала его и Диму. Логично… Леон давно уже знал, что у Анны большие связи. То, что американцы в который раз прибегли к ее помощи, лишь укрепило ее репутацию. Понятно, почему ее послушали, когда она рекомендовала привлечь к расследованию двух экспертов!

Для Леона все это отходило на второй план. В голове крутилась одна и та же мысль: их встреча должна была пройти по-другому. Не перед посторонними взглядами, не на месте массового убийства! Чтобы они могли поговорить… А о чем? Он и сам не брался сказать.

Она выбрала такой путь, и ему пришлось подстраиваться на ходу. Выбор у него, конечно, был: уйти или остаться. Сыграть в обиженного и уйти или отстраниться от чувств ради по-настоящему серьезного дела и остаться.

Он выбрал второе, и вовсе не из-за Анны. Она была важной частью его жизни, но не определяла всё без исключения. Это дело зацепило его, задело за живое. Леон смотрел на десятки тел, истлевших, забытых, похороненных без могилы и без памяти. Он просто не мог оставить это просто так, сделать вид, что его такое не касается! Кому-то, похоже, захотелось поиграть в бога, властителя судеб. Да, новых тел в парке не было, однако это вовсе не означало, что псих остановился. Возможно, он просто нашел новую площадку.

Поэтому Леон мгновенно переключился, и там, в шатре, он не отвлекался на Анну, он работал, так же, как она. Из-за этого он даже не заметил, когда и как она ускользнула! Вроде как только что она была рядом, а потом – нет ее. Значит, решила, что на сегодня достаточно.

Это тоже было странно и неприятно. Они не могли работать сутками, это понятно, и оба нуждались в отдыхе. Но разве она не понимает, что им нужно поговорить? Нормальные люди так не поступают – не исчезают на несколько недель, чтобы потом вернуться как ни в чем не бывало…

Но это нормальные люди. Для них всегда были свои правила.

Леон отправился в гостиничный номер, снятый для него полицией. Он даже добрался до кровати и выключил свет, но так и не заснул. Ему не удавалось сомкнуть глаз, потому что ему постоянно виделись тела из того шатра. Он не боялся их, он чувствовал лишь нарастающую злость. Этих людей, живых, разных, вряд ли совершивших за свою жизнь хоть одно серьезное преступление, превратили в игрушки! Та часть Леона, которую Дима боялся, а сам Леон толком не знал, уже рвалась встретиться с человеком, совершившим это.

Перед разгорающимся жаром новой охоты даже запутанные отношения с Анной отходили на второй план. Возможно, она права в своей стратегии: проще притвориться, что все идет своим чередом, чем тратить время на сложные разговоры. Пусть будет так.

Он покинул номер ранним утром. Бессонная ночь не утомила его, Леону было не впервой, он просто устал от однообразия провинциальной гостиницы. Ему нужно было дождаться, пока объявят сбор или что-то в этом роде. А пока он лишь надеялся, что в гостинице в такое время найдется чашка кофе.

Но он явно недооценил своих спутников. Когда он спустился в холл, Анна уже была там. Она сидела в массивном кожаном кресле и читала журнал, как самая обычная туристка. Она совсем не напоминала полицейскую – или ту девицу-солдата, которую он видел вчера. На этот раз на ней было длинное темно-серое платье, закрывающее ее с ног до шеи, почти траурное как раз подходящее для того, чем им предстояло заниматься. Светлый ежик волос магическим образом сменился длинными черными локонами, опускающимися на плечи. Интересно, как она объяснила такую трансформацию сотрудникам гостиницы? Они вообще

поняли, что случилось, или были убеждены, что это два разных человека?

Макияжем она сегодня не воспользовалась, и от этого казалась особенно юной, болезненно бледной. Леону показалось, что у нее чуть опухли веки – верный след недавних слез. Но ему, должно быть, примерещилось. Анна не из тех, кто будет ночами оплакивать жертв, она недостаточно сентиментальна для этого! А какие еще причины у нее могут быть для слез? В ее жизни ведь все хорошо!

Поэтому он решил и дальше продолжать их игру в нейтралитет. Это было не так уж сложно: он и сам не любил долгие эмоциональные беседы, которые обожала его бывшая жена. Теперь, когда первый шок прошел, Леону проще было признать, что она сделала правильный выбор.

Увидев его, Анна отложила журнал в сторону и кивнула на соседнее кресло. Леон улыбнулся ей – не из чистой вежливости, ему просто хотелось.

– Доброе утро, – сказал он. – Насколько добрым оно вообще может быть!

– Доброе, не сомневайся, – пожала плечами она. – То, что ты видел вчера и увидишь сегодня, – трагедия. Но жизнь продолжается, и для тех, кто еще жив, утро должно быть добрым. – Философски подметила.

– Это, конечно, исключает твоего брата, – добавила Анна.

– А что не так с Димой?

– Он, в отличие от нас, не против был бы поспать. Но сейчас любезная девушка за стойкой администрации как раз звонит ему, чтобы он насладился лучами рассвета. Позвонила бы и тебе, но ты опередил ее.

– Зачем тебе Дима в такую рань? – удивился Леон.

– Потому что нам с вами лучше поговорить пораньше. Сегодня днем начнется подготовка тел к транспортировке в Москву. Это будет наш последний шанс осмотреть место преступления, мы все будем заняты. Но я хочу, чтобы до этого и ты, и Дима узнали кое-что важное.

Леон лишь сейчас заметил, что в руках у нее не только журнал. Им Анна прикрывала пластиковую папку с распечатанными на принтере документами.

– Тебе прислали что-то?

– Этой ночью, – подтвердила Анна. – Кое-какая информация по жертвам, пока совсем немного, но и это важно.

– У тебя, похоже, большие связи…

– Иначе меня бы здесь не было.

– Не расскажешь, кто тебя привлек? – поинтересовался Леон.

– Не люблю сыпать громкими именами. Да и какая разница? Главное, что я здесь и ты здесь. Так и должно быть.

Леона и правда не слишком интересовали ее покровители из высшего руководства. А вот о Вадиме Смоленском он не отказался бы поговорить! Но пока на это не было времени, расследование затмевало все остальное.

Минут через десять к ним присоединился Дима, мрачный, еще сонный, однако уже готовый слушать. Вот у кого проблем со сном точно не было! В этом Леон даже завидовал брату.

Их провели в небольшой зал при ресторане гостиницы. Обычно тут, скорее всего, проводились праздники для небольших компаний. Теперь же зал обеспечивал им нужное уединение. То, о чем они собирались говорить, не предназначалось для ушей постояльцев, которым захотелось позавтракать с утра пораньше.

Дождавшись, пока официанты уйдут, Анна открыла папку и достала оттуда распечатки.

– Это все, что удалось узнать о жертвах из парка, – предупредила она. – Все они не местные. Ни в городе, ни в ближайших деревнях за последние тридцать лет не было ни одного пропавшего без вести, соответствующего найденным нами

телам. Полная проверка по стране, естественно, еще не завершена… Да и не будет от нее толку.

– Почему это? – изумился Дима.

– Потому что страна у нас большая, если для тебя это новость. А мы еще и берем огромный промежуток времени. Конечно, подберется список пропавших без вести, соответствующих нашим данным – весьма обобщенным, увы. Но будет сложно проверить, те это люди или нет, очень сложно. Долгий процесс.

– Уже то, что они не отсюда, о многом говорит, – заметил Леон.

– Да, это такой же важный факт, как место захоронения. Убийца не только сумел закопать их прямо в центре города и остаться незамеченным. Он еще и доставил сюда тридцать семь человек так, что об этом никто не знал!

– Он привез не тридцать семь сразу, – возразил Дима.

– Да, он, скорее всего, доставлял их по одному-двое, однако делать это приходилось часто. У того, кого мы ищем, есть деньги и нужные связи. Достаточно надежные связи, чтобы прикрыть его.

В этом свете, у провинциального городка были свои преимущества для убийцы. Это в Москве невозможно уследить за всеми дорогами, подкупить всех, кто попадется на пути. Здесь контролировать ситуацию намного проще. А вот остаться при этом незамеченным – сложнее.

– Мало того, что псих, так еще и с деньгами, – проворчал Дима. – Что еще пойдет не так?

– Не забывай про близнецов, – указал Леон. – Это уже не разные города, а разные континенты. Я до сих пор не представляю, как он доставил их сюда!

Он и правда думал об этом ночью – благо времени хватало. Ответов просто не было – зато появлялись новые вопросы! Кто похитил Джессику и Мари – убийца или кто-то другой? А может, их никто не похищал, они сами решили навсегда оставить опостылевшую работу? Не очень-то приятно, когда в тебя толпа

пальцами тычет! Если принять такую версию, то убийца перестает быть всемогущим демоном, для которого нет границ. Близнецы сами прибыли в Россию – и уже здесь были убиты.

Вот только их появление не осталось бы незамеченным, а ведь никаких сведений о них не было со времен похищения!

– Джессика и Мари Ластре – не единственные гости из других стран, оказавшиеся в этом парке, – с привычным хладнокровием пояснила Анна. – Среди тел есть представители разных рас и стран, это уже определили антропологи.

– Да, я тоже вчера обратил на это внимание, – кивнул Дима. – Опознать кого-то удалось?

– Предварительно. Данные еще будут проверять, но есть совпадение по международной базе пропавших без вести. Это те случаи, когда есть уникальные параметры вроде снимка зубов или образцов ДНК. В их случаях, мы сможем что-то точно определить, с остальными придется помучиться.

Анна перебрала несколько страниц и достала нужный документ, с которого зачитала:

– У нас тут Хизер Моррис – пропала в возрасте пятнадцати лет из небольшого американского городка. Было это в две тысячи третьем году, но семья активно ищет ее до сих пор, поэтому есть нужные данные. ДНК уже проверяют.

– В две тысячи третьем? – недоверчиво переспросил Леон. – Но это же сколько лет прошло!

– Убита она была позже. Если та, кого мы нашли, действительно Хизер Моррис, то убита она была лет через пять после своего похищения, не раньше.

– Где она была все эти годы?

Другая бы на месте Анны разозлилась – вопрос был откровенно наивным. Никто ведь ничего не знает! Но она осталась верна себе:

– Этого я тебе пока не скажу, будем разбираться. Просто послушай меня. У нас есть и более ранние исчезновения. Одно из тел, возможно, принадлежит Вейлину Лю, он пропал в тысяча девятьсот девяносто девятом. Гражданин Китая, в восемнадцать лет отправился в Южную Корею, там и исчез без следа.

– Южная Корея, США, – задумчиво произнес Дима. – География расширяется!

– И продолжит расширяться. Там у нас есть еще Мараятта Гверцони, гражданка Италии, пропала относительно недавно – в две тысячи восьмом. Ей было восемнадцать.

– Семнадцать, восемнадцать… Я смотрю, там в основном молодые, – отметил Леон.

– Не только. Есть еще Жером Перрен, в две тысячи пятом, когда он пропал, ему было сорок лет. Убит позже. Причем исчез он вместе со своей женой, но ее среди тел нет.

Мозаика упорно отказывалась складываться. В этом парке, который, по сути, стал братской могилой, нашли покой люди разного возраста, пола, из разных стран, разных рас, пропавшие в разное время. У них не было ничего общего! Более того, они никак не должны были оказаться здесь, в одной точке.

Нет убийцы с такими возможностями. Тут дело не в морали, это просто нереально! Как он все успевал? Какие деньги на это тратил? А главное, зачем? Если ему так хотелось убивать, он мог найти своих жертв и в России. Анна сказала верно – страна большая, здесь можно найти представителей любых национальностей. Почему тогда ему понадобились именно эти люди?

Невозможно.

Не сходится.

– Вчера Карина сказала мне, что сегодня будем сворачиваться, – вздохнул Дима. – И что теперь? Нам ведь, по сути, ничего не известно, а дело громкое!

– Ты прав в том, что дело громкое, и не прав в том, что нам ничего не известно, – заметила Анна. – Начнем с первого. Тут действительно веет международным скандалом. Скрыть эту находку от журналистов уже не удастся. Пока возможно только уменьшить ущерб, не позволить им узнать, насколько все плохо на самом деле. Скорее всего, они попытаются выйти на любого, кого видели хотя бы близко к этому шатру. Если выйдут на вас – не болтайте, да и вашим домашним об этом лучше не знать. В принципе, вы сейчас зашли не очень далеко, можно выйти из игры – другого такого момента не будет. Я помогу вам, раз уж я вас в это втянула.

Здесь Леон и думать не собирался, он ответил сразу же, как только она закончила говорить:

– Вот уж точно нет.

– Что, сразу уверен? – слабо улыбнулась Анна.

– А я в себе давно уже не сомневаюсь. Да и домашних, из-за которых я бы трясся, у меня нет.

Он хотел добавить, что все его домашние сейчас здесь, но сдержался. Это казалось неуместным, слишком сентиментальным – над списком мертвых людей.

– У тебя есть Лидия и Серафим! – возмущенно напомнил Дима.

– Серафим? – поразилась Анна. – Она серьезно назвала ребенка Серафимом?

– Это же Лидия, – фыркнул Леон. – Это ее сын, она не опустится до жалкого имени вроде «Ваня» или «Саша»!

– Речь о моем сыне, вообще-то! – вспылил Дима.

– Вот именно – о твоем сыне и моем племяннике. Маленького Сеню я люблю, вопросов нет, но не я ему нужен в первую очередь.

– Если Лидия узнает, что ты его Сеней зовешь, она тебе голову оторвет.

– Я не сомневалась, что она будет из тех матерей, которые всегда обращаются к ребенку по полному имени. «Серафим Дмитриевич покакать изволили». – Анна повернулась к Диме. – Но тему не меняй. Я действительно помогу тебе уйти и забыть, если нужно.

Дима с ответом не торопился. Леон знал, что так будет: его брат всегда отличался осторожностью. А тут еще такое дело – хаос в чистом виде, ничего не понятно, и становится только сложнее!

Но он все равно был профессионалом, и своим делом он занимался не только ради карьеры и денег. Для него это был вопрос принципа, вопрос справедливости – поэтому он при всем желании не мог развернуться и уйти.

– Я остаюсь, – с мученическим видом объявил Дима. – Надеюсь, я не пожалею об этом!

– Это уже от тебя зависит, – развела руками Анна. – Я ничего обещать не могу.

– Да с тобой вечно какие-то неприятности! То мы мужика, истыканного ножом, по кускам сшиваем, то это…

Напоминание было неожиданным и удачным, Леон поспешил воспользоваться им:

– Кстати об этом! Ты так и не рассказала нам о Вадиме Смоленском.

Он не знал, ответит она или нет. У нее был шанс соскочить, сказать, что им нужно торопиться, скоро ведь тела увезут. Однако Анна не спешила подниматься из-за стола, она лишь смерила своих собеседников тяжелым взглядом.

– Да, нужно вам сказать, хотя я надеялась вернуться к этому позже.

– Я ничего знать не хочу! – поспешно заявил Дима. – Я помню, что он преступник, и мне этого достаточно! Я помог ему, потому что это обязанность врача, больше я никаких дел иметь с ним не желаю!

– Да, он преступник, – подтвердила Анна. – И очень опасный. Что ты не желаешь иметь с ним дел – это похвально. Поддерживаю, лучше никогда не связывайся с ним. Но знать ты все равно должен. Вадим Смоленский – это пустое имя. Просто одно из многих.

– Это я уже понял, – кивнул Леон. – Слишком уж идеальный персонаж получился!

– Потому что это и есть персонаж.

– Тогда как его зовут на самом деле?

– Его настоящего имени давно уже нет, – тихо ответила Анна. – Из того, что повторяется достаточно часто… Юпитер – вот что тебе нужно запомнить.

– Юпитер? – удивился Леон. – Это что, псевдоним такой?

– Нет.

– Кличка?

– И не кличка. Это… как бы тебе объяснить… в некотором смысле, позывные. Это связано с тем, что он делает. Тебе достаточно запомнить, что Юпитер – это про него.

– С тобой, между прочим, и так не просто общаться, а тут одни пробелы, – укоризненно заметил Леон.

– Это ради вашей же безопасности. Так вот, Юпитер выжил, и он знает, кто его спас. За это он подарил каждому из нас по одному желанию.

– Джин из бутылки! – раздраженно закатил глаза Дима.

– Смеяться над этим можно сколько угодно – но лучше не надо. Юпитер – достаточно могущественный человек. Как бы я к нему ни относилась, я это признаю. Его слово – не звук пустой. Он и правда может выполнить практически любое ваше желание, если это не бред вроде «оживить мертвеца». Это ваша награда, которую вы заслужили, и я не собираюсь скрывать ее от вас.

Тут уже Дима не колебался ни секунды:

– Нет, спасибо! Я сказал сто раз и скажу еще столько же: я не буду связываться с преступником! Пусть засунет свое желание себе в задницу, я просто хочу забыть все, что случилось той ночью!

А вот Леон с громкими заявлениями не торопился. Он знал, что Вадим Смоленский, или Юпитер, или кто он там, – преступник. Он это знал получше Димы! Но именно поэтому он и не спешил отказываться.

Такие награды, какими бы чудовищными они ни казались вначале, порой спасают жизнь.

* * *

Карина Тулина никогда не отличалась сентиментальностью. Она бы не выбрала такую профессию, если бы ее пугала смерть! Однако с такой смертью Карина еще не сталкивалась.

Она старалась эмоционально отстраниться от всего этого. Она не позволяла себе думать о том, что это невозможно, нереально просто. Она ведь не следователь! Ей не требуется разбираться в этом, ее задача – определить, кем были эти люди и что с ними произошло.

Но пообещать себе такое легко, а выполнить – куда сложнее. Чем больше Карина узнавала, тем сложнее ей становилось сохранять нейтральность и оставаться бесчувственным профессионалом. Бывали моменты, когда ей хотелось просто закричать, или заплакать, или уйти из этого шатра, не оглядываясь.

И все же она заставила себя остаться. Не потому, что боялась увольнения: эксперт ее уровня без работы сидеть не будет. Карине было искренне жаль этих людей, она знала, что должна помочь им. Или, по крайней мере, попытаться!

Когда прибыл Дмитрий Аграновский, стало чуть проще. Карина была поверхностно знакома с ним, доверяла его мнению. А главное, от него всегда

исходила нужная уверенность, столь необходимая среди этого кошмара наяву. Теперь Карине было к кому обратиться, если она начинала в чем-то сомневаться, и эта условная подстраховка успокаивала ее.

Но не все в этой группе нравились Карине так, как Дмитрий. Его брат был странным, замкнутым, задумчивым. Если к нему обратиться – он ответит. Но сам никогда не заговорит первым, и черт его знает, что у него на уме.

Однако самой большой проблемой для нее стала Анна Солари. Во-первых, эта девица каждый день выглядела по-разному. Как будто два человека, а не один! Или три, кто там ее поймет… Зачем ей такое? Это нормально вообще?

Во-вторых, Анну, похоже, нисколько не задевало то, что здесь произошло. По крайней мере, Карина никогда не видела ее напуганной, шокированной или подавленной. Когда спокойствие сохраняли Дмитрий или Леонид, это еще куда ни шло. Они же мужчины, им положено! Но сама Карина, при всем своем немалом опыте, все равно порой не могла скрыть, как ее пугают тела из городского парка. Точнее, не тела даже, а сам факт, что такая резня возможна… Ну а Анна что же? Ходит тут, как по музею!

То есть, раньше ходила. Теперь эта странная девица устроилась в углу шатра, поближе к кондиционеру, с ноутбуком. Она была чем-то занята, не замечала ничего вокруг, и это было к лучшему: Карине не нужно было лишний раз пересекаться с ней.

У нее и так забот хватало.

– Натяните пленку поплотнее! – приказала она своим ассистентам. – Вы тут не мух гоняете, у нас мера безопасности! Доступ к телу срочно нужно ограничить!

На самом-то деле, никакой срочности не было. Но Карине хотелось, чтобы работа шла быстрее. Они и так задержались в этом странном городе!

Естественно, возня, которая поднялась из-за карантина, не осталась незамеченной. Очень скоро к ней подошел Дмитрий.

– Что здесь происходит? – спросил он.

– Протокол безопасности, – пояснила Карина. – Больше условность, если честно, но она должна быть соблюдена. Это тело нужно изолировать до перевозки, да и перевозить его будут отдельно.

– Есть угроза заражения?

– Сильно сомневаюсь, но лучше перестраховаться, вы же знаете.

– Согласен, – кивнул Дмитрий. – О какой болезни идет речь?

Они оба работали с утра, оба были в масках и перчатках, поэтому теперь они безбоязненно подошли к телу, лежащему на столе.

Оно провело в земле не один год, без гроба, и это серьезно повлияло на состояние тканей. Кроме того, когда девушку закапывали в парке, у нее уже не было кожи. Теперь перед экспертами лежали останки существа, которое когда-то, скорее всего, было прекрасным.

По крайней мере, кости указывали, что это была стройная молодая девушка. Она и пожить-то не успела… Вряд ли она могла предположить, что ее ждет такая смерть.

– Наши антропологи считают, что она откуда-то из Скандинавии, – указала Карина. Предположительно, Швеции. Детство, похоже, было сытым и безбедным. Но позже, в ранней юности, наступили резкие перемены: она плохо питалась, ее избивали, на костях, вот тут видно, многочисленные переломы. Это не посмертные травмы, многие успели срастись, над ней издевались много лет.

Из благополучной жизни через ад – к такому финалу… Врагу не пожелаешь!

– Значит, эту похитили в Швеции, а она все равно здесь… – нахмурился Дмитрий. – Но я пока не понимаю, зачем карантин, даже как мера предосторожности.

– Начали приходить отчеты из лаборатории, которые я запрашивала, – пояснила Карина. В тканях обнаружены остаточные указания на шистосомоз.

– Шистосомоз?..

Тут уж ее собеседник совсем растерялся, и Карина понимала его в этом. Она бы тоже не поверила, если бы сама не прочитала заключение экспертов.

– Шистосомоз – это заболевание, при котором человек становится носителем паразитов…

– Я знаю, что такое шистосомоз, – прервал ее Дмитрий. – Простите, грубо получилось.

– Ничего, мы все сейчас на взводе, – вздохнула Карина.

– Но знаю я еще и то, что заразиться этой дрянью можно только в некоторых странах – и точно не в нашей! И не в Швеции.

– Да. По предварительной оценке, у погибшей была форма, характерная для стран Африки. Но это еще будут проверять, образцы тканей уже отослали в Москву, пока нам нужно проследить, чтобы тело транспортировалось в нужных условиях.

– Получается, эту девушку похитили в Швеции, над ней издевались, а потом…

– Потом она каким-то образом оказалась в Африке, где и была заражена, – подтвердила Карина. – Но причиной смерти стало не это. Ее застрелили, один выстрел в голову.

– Черти что…

– Вот с этим я как раз согласна. Пойдемте, я вам еще кое-что покажу.

Дмитрий, как и она, не обязал был разбираться, что и почему тут случилось. Так ведь этим занимался его брат! Карина не любила общаться со следователями: они не понимали половину того, что она говорила, и приходилось все разжевывать, как маленьким детям. Но Дмитрий говорить со своим братом умеет, так что с ним можно поделиться наблюдениями. Вдруг они окажутся важными?

Она провела его к телу другой погибшей женщины. С этими останками нужно было обращаться очень аккуратно, почти ничего, кроме скелета, не сохранилось, да и в скелете не хватало нескольких крупных костей. Судя по всему, это было одно из первых тел, закопанных в саду.

– Тоже заражена чем-то? – предположил Дмитрий.

– Нет, тут другая особенность. Обратите внимание на кости таза. Это не посмертное повреждение, это прижизненная травма.

– Никогда такой не видел!

– Скорее всего, это следствие тяжелых родов, – печально указала Карина.

– Да, я тоже об этом подумал… Но деформация слишком серьезна! Я видел нечто подобное, однако в таком запущенном состоянии – никогда.

– А это потому, что она рожала очень часто, и минимум треть из этих родов была с осложнениями. Значит, все проходило в не самых цивилизованных условиях, и вместо квалифицированной медицинской помощи она получала непонятно что. Чудо, что она пережила это!

Чудо случилось, она пережила – а потом ей свернули шею и закопали под ногами у счастливых семей.

– Очень часто рожала – это сколько? – уточнил Дмитрий.

– Раз десять-пятнадцать, не меньше.

– Сколько же лет ей было?!

– Около тридцати.

Это было неправильно, чудовищно – как и все, что тут происходило.

– Другие такие тела есть?

– Нет, хотя есть женщины, у которых определенно были дети, – ответила Карина. – Но этот случай – исключительный. Видите, здесь у вас несколько исключительных случаев, и все они не похожи друг на друга. Я понятия не имею, как следователи будут разбираться с этим.

– Они, по-моему, и сами пока не решили!

Карина никогда не рвалась заниматься расследованиями, а о маньяках и вовсе узнавала все больше из фильмов и криминальных новостей. Но даже этих знаний было достаточно, чтобы понять: преступники себя так обычно не ведут. У них есть хоть какой-то почерк, а тут… Неясно, ради чего все это вообще затеяли. Изнасилование? Рождение детей? Но почему тогда изъяты части тел? Карине хотелось, чтобы это поскорее закончилось, и можно было перестать думать о таких жутких вещах.

Интересно, сколько они будут преследовать ее в ночных кошмарах, прежде чем все прекратится?

Она отвлеклась на Дмитрия и не сразу заметила движение рядом с ними – пока к ним не обратились.

– Вы продолжите работу с трупами в Москве? – поинтересовалась Анна Солари, теперь стоящая в шаге от них.

– Ой! – только и смогла произнести Карина.

– Я вас так пугаю?

Это должно было стать шуткой. Вот только Анна задала вопрос все с тем же невозмутимым видом. Ее лицо, пусть и красивое, напоминало Карине фарфоровую маску, и говорить с этой странной девицей было совсем уж неприятно.

У Карины только и получилось, что промямлить, совсем как в студенчестве:

– Нет, что вы… Я просто… Нет…

Хуже всего то, что Дмитрий стал свидетелем этой неловкой сцены, но изменить Карина ничего не могла.

– Вы нервничаете, – указала Анна.

– Не удивительно…

– Убийцы редко выставляют тела своих жертв на всеобщее обозрение. Куда чаще они прячут их.

– Но не целыми кладбищами же! Такого никогда не было…

– Ошибаетесь, такое происходит куда чаще, чем хотелось бы. Крупные собрания костей находят на местах сражений и расстрелов.

– Тут ведь другое! Тут… кладбище…

– Бывает, что и кладбища находят, – пожала плечами Анна. – Например, в американской Луизиане Винсент Марселло обнаружил кладбище на своем заднем дворе. Хотел выкопать бассейн – а нашел надгробья, гробы, кости. Та еще находка, особенно если учитывать склонность к суевериям, типичную для тех мест.

– Но это было не новое кладбище!

– Восемнадцатого века.

– У нас тут другое!

– У нас тут и не кладбище.

Анна рассказывала об этом спокойно, и все равно Карине казалось, что следовательница издевается над ней. Глупо, наверно, но нервы и правда совсем никакие стали. Так и с рассудком расстаться недолго!

К счастью, Дмитрий наконец вмешался:

– Ты зачем пришла, просто поговорить?

– Я никогда не прихожу просто поговорить. У меня есть просьба к Карине, но для начала мне нужно убедиться, что она будет заниматься телами и дальше.

К этому моменту Карина наконец взяла себя в руки и могла отвечать уже спокойно:

– Да… С телами будут работать разные эксперты, но куратором, скорее всего, назначат меня.

– Хорошо. У всех тел, кроме близнецов, были извлечены определенные кости? Точнее, фрагменты костей, аккуратно вырезанные.

Об этом Анна спрашивала тем же тоном, которым рассказывала о Винсенте Марселло ровным, лишенным любого намека на эмоции. Как будто ей все равно! Но Карина не позволила этому задеть себя, она и так сорвалась при посторонних… почти сорвалась. Такое больше не повторится.

– Да. У некоторых могут отсутствовать кожа или органы, но это выборочно. А фрагменты костей изъяты у всех.

Это, если задуматься, было еще одной странностью – в общую копилку! Если бы Карине понадобился кусок кости, она бы извлекла целую кость и потом только начала пилить. Но убийца поступил иначе: он выпиливал фрагмент прямо из тела. Псих, по-другому и быть не может!

– Хорошо, – кивнула Анна. – Есть ли у нас необходимая техника, чтобы предоставить мне трехмерную модель пропавших костей?

– Что?

– Трехмерную модель. Гипсовый слепок, распечатка на 3D-принтере, компьютерная модель – подойдет что угодно, лишь бы были отражены нужные параметры.

Карина ненадолго задумывалась, прикидывая свои возможности, потом подтвердила:

– Да, я смогу это сделать. Мне сказали, что для этого дела я смогу запросить любую технику.

– Это очень хорошо. Мне понадобятся модели всех пропавших костей – до единой.

– Но их же очень много, – растерялась Карина. – У многих изъяли несколько костей сразу, как крупных, так и мелких.

– Да, это я знаю, поэтому я надеюсь на вас. Это очень важно.

Карина понятия не имела, как такое извращение может быть важным. Но она уже не раз слышала, что Анна Солари попала сюда не случайно, ее вроде как считают одной из лучших… Только лучших в чем, в понимании психов? Это было бы даже логично!

Она сомневалась, что от этой дурацкой возни с костями будет толк. Но Карина все равно собиралась выполнить эту просьбу – чтобы исчезло проклятое чувство, будто полиция в тупике и маньяк уже победил.

* * *

Леон исчез так быстро и внезапно, что поначалу Ярослав даже испугался. Они ведь не продажей мягких игрушек занимались! Их профессия была связана с недовольством многих людей, и у кого-то наверняка возникало желание отомстить. Да и в свободное от работы время Леон интересовался далеко не безобидными вещами!

Ему стоило немалых усилий заставить себя выждать хотя бы сутки, а не поднимать по тревоге всех знакомых. Расчет оправдался – Леон позвонил сам.

– Меня не будет несколько дней, но скоро я вернусь в Москву, – предупредил он. – Хотя мне все равно иногда придется… отлучаться, так что большую нагрузку по клиентам пока не бери.

– Необходимости нет, – заверил его Ярослав. – Не скажешь мне, что происходит?

Леон ответил не сразу, он медлил, словно взвешивая все «за» и «против». Это несколько обижало: Ярославу казалось, что он уже сделал достаточно, чтобы заслужить доверие напарника. Леон, видимо, тоже так решил, потому что отмалчиваться он не стал:

– Меня привлекли к расследованию дела о трупах в городском парке.

– Тому самому?!

– Тише ты! Да, тому самому. Болтать об этом не нужно, там и так слишком много шума.

– Да не собирался я болтать, – оскорбился Ярослав. – Будто ты бы на моем месте не удивился! Но каким боком ты там вообще?

– Анна вернулась. Она меня и позвала.

Просто день открытий! Анна Солари Ярославу нравилась, она его интриговала. Его всегда манило новое, уникальное, неповторимое. Он даже попробовал бы сблизиться с ней – если бы не видел, что эта идея по умолчанию обречена на провал. Да, отношения между ней и Леоном были странными, но все равно достаточно важными, чтобы Ярослав остался в стороне.

– Понятно, почему тебя не будет несколько дней, – многозначительно заявил Ярослав.

– Только из-за расследования, лишнего не придумывай.

– Ой, да ладно!

– Давай до детского сада опускать не будем? – устало попросил Леон. Похоже, расследование давалось ему тяжелее, чем он готов был показать.

– Расслабься, с моей стороны ни проблем, ни обид. Я тебя тут подстрахую.

– Признателен. И вот еще что… Дело Вадима Смоленского сворачивай.

– Это еще с какого перепугу? – возмутился Ярослав. – Я, вообще-то, намерен найти побольше его личностей! Может, среди них и обнаружим настоящую.

– Перекинь свой энтузиазм в другое русло. Смоленский опасней, чем я предполагал. Пока все обошлось, на этом и остановимся.

– С чего ты вдруг переменил свое мнение? Это как-то связано с Аней?

– Мне нужно идти, скоро буду. Занимайся работой, об остальном забудь!

Ушел от ответа самым банальнейшим образом, надо же… Но перезванивать ему и доказывать, что так нельзя, Ярослав не собирался. Леон ему кто, мать и отец в одном лице? Ярослав не обязан был получать его разрешение.

Понятно, что изначально Вадим Смоленский был связан с Леоном, Ярослав вообще не знал, кто это. Но теперь-то все изменилось, это уже была другая игра! Ярославу нравилось разбираться с этим – как с головоломкой. Да, Смоленский опасен и хитер, это понятно. И тем интересней вычислять его малейшие ошибки, идти по его следу, который он наверняка считал укрытым. Это была личная охота Ярослава, от которой он не собирался отказываться.

Так Леону ведь не обязательно знать об этом, особенно теперь, когда у него такие важные дела! Поэтому, разобравшись с клиентскими заявками, Ярослав вернулся к поиску информации.

Он задержался на работе, но это как раз было привычно. Когда ты сам себе хозяин, можно уходить хоть в час ночи, а просыпаться потом в полдень – и никто слова не скажет. Особенно когда напарник застрял непонятно где и в ближайшие дни не вернется.

Ярославу даже нравилось уходить в такое время. Дороги были не совсем пустыми, но куда свободней, чем днем. Да и на паркинге оставалось два-три автомобиля, можно было поверить, что все здание принадлежит ему.

Продолжая прокручивать в памяти новые факты, Ярослав спустился на подземный этаж и направился к своей машине. Он увидел ее издалека и даже не подозревал, что что-то может пойти не так. Причин не было! Однако оказалось, что расслабился он рано.

Он не видел нападавших до последнего момента – до тех пор, как они набросились на него. Ярослав не был слаб, природа щедро одарила его силой, а долгие тренировки научили правильно использовать эту силу. У Леона, конечно, получалось чуть лучше, но он точно не был беспомощным! Если бы на него напали какие-нибудь уголовники, он бы сумел отбиться, сколько бы их ни было.

Но тут явно действовали профи. Их движения были такими грамотными, слаженными и быстрыми, что Ярослав даже не успел сообразить, как реагировать, а потом стало слишком поздно. У него забрали оружие – два ножа и травматический пистолет, связали руки за спиной, набросили на голову мешок из плотной ткани. Он попытался дернуться, вывернуться, однако с его стороны это было скорее упрямство. Не мог же он просто подчиниться им, как безвольная скотина! Даже при том, что от него уже ничего не зависело.

Они не дали ему опомниться. Это только в фильмах похитители могут остановиться рядом с жертвой и со зловещим хохотом объяснять, как велико их превосходство. Нападавшие же знали, что они по-прежнему в зоне риска: на подземном этаже в любую минуту могли появиться посторонние, даже в такое время. Поэтому Ярослава сразу же потащили к машине, а спустя пару минут он уже был в багажнике.

Но его, по крайней мере, не убили. Только этим ему и оставалось утешать себя, когда машина сдвинулась с места. Избивать тоже не стали, однако это не означало, что ему ничего не угрожает. Избиения, угрозы – это все эмоциональные поступки, профессионалам они чужды. Этой шайке, похоже, заказали похитить его, что они и сделали. Ничего личного, только бизнес.

У него было время подумать о том, кто мог устроить ему такое. И вариантов не было! Не потому, что у него не нашлось бы врагов, просто у них не хватило бы ни денег, ни мозгов, чтобы так все организовать. Самая страшная месть, на которую они способны, – это проколотые колеса автомобиля или попытка избить Ярослава в подъезде. Вот ради таких случаев он и носил с собой оружие! Но наемники такого уровня… Это что-то новое.

Он, запертый в багажнике, не мог ни освободиться, ни сбежать, ни позвать на помощь. Ему оставалось только ждать.

Дорога была долгой, однако это вовсе не означало, что они уехали далеко. Ярослав чувствовал, что машина часто поворачивает, а значит, его похитители запутывали след. Это плохо. Когда речь идет о простом запугивании, такие меры не используют. Ярослав прекрасно знал об этом – и становилось лишь страшнее.

Наконец машина остановилась, его вытащили из багажника, поставили на ноги, куда-то повели. Ярослав чувствовал, что шагает не по асфальту, а по мягкой земле с высокой травой. Сад? Или лес? Звуков города не слышно, они где-то далеко…

Там, где нет свидетелей.

Они остановились, и он приготовился к тому, что мешок сейчас снимут. Им нужно поговорить с ним, иначе ему не позволили бы остаться в сознании! Однако похитители снова сумели застать его врасплох.

Вместо того, чтобы избавить его от мешка, они разрезали веревку, связывавшую ему руки. Если бы Ярослав готовился к такому, он бы сразу напал – ведь это великолепный шанс спастись! Однако решение похитителей было настолько неожиданным и нелепым, что он на пару секунд замер на месте, пытаясь понять, что произошло. Это была одна из тех ошибок, за которые потом винят себя всю жизнь.

Никто не собирался отпускать его на свободу. Его руки перехватили, развели в разные стороны, а спустя мгновение он почувствовал в правой кисти резкую, ослепительную вспышку боли. Ярослав, совершенно не готовый к такому, растерянный и дезориентированный, не сдержался и закричал. В другое время он не доставил бы своим мучителям такого удовольствия, но сейчас иначе не получалось. Он попытался притянуть раненую руку к себе, однако это только усилило боль, и ему едва удалось остаться в сознании.

Вот тогда с его головы наконец стянули мешок. Ярослав обнаружил, что стоит он посреди ночного леса – как и предполагал. А его правая рука прибита двумя массивными гвоздями к стволу вековой сосны.

Похитители отпустили его левую руку, отступили, зная, что он уже не убежит. Куда он денется в таком положении? Освободиться он мог, только порвав ладонь, а это – все, конец, навсегда. Да и теперь шрам останется, но хотя бы есть шанс сохранить рабочую руку.

Поэтому Ярослав прижался к дереву и замер, ожидая, что будет дальше.

А дальше появился человек без маски. Его похитители выглядели так, как и должны были: в одинаковой одежде и черных масках, скрывающих лица. Но вот из-за их спин вышел не такой высокий мужчина, даже не пытавшийся скрыть свое лицо.

И Ярослав мгновенно узнал его.

– Ты… – только и смог процедить сквозь сжатые от боли зубы он.

– Я, – подтвердил Вадим Смоленский.

Это был тот самый человек, на фотографии которого Ярослав смотрел в последние дни. Трудно его не узнать! По крайней мере, лицо было его, но выражение лица, взгляд, глаза… Нет, это был совсем не тот Смоленский, к которому все привыкли!

Он весьма искусно изображал ангела земного. Он был кротким, добрейшим созданием во время интервью и на благотворительных вечерах. Глядя на него, можно было лишь удивляться: как это такой тюфяк сумел заработать солидное состояние и не быть сожранным?

Но настоящий Вадим Смоленский был как раз из тех, кто пожирает других. Ярослав был выше его, крепче, откровенно сильнее – и все же он не брался сказать, напал бы он на этого типа, если бы его рука была свободна, или нет.

– Вы проявили такой интерес к моей персоне, что я не мог остаться в стороне, невозмутимо заявил Смоленский, наблюдая, как из пробитой руки струятся ручейки крови. Правда, обычно в таких случаях любопытные оказываются не возле сосны, а под ней.

– И почему же я стал исключением? – поинтересовался Ярослав.

Он боялся и не мог этого изменить, никогда еще смерть не была так близко. Но у него пока хватало сил не показывать этот страх.

– Есть подозрение, что вы действовали не по своей инициативе, а по просьбе Леонида Аграновского. Это несколько меняет дело.

– Леон хотел остановиться… Он сказал мне остановиться.

Ярослав знал, что дела его плохи. Но он не собирался тащить за собой еще и друга.

Смоленский не стал спорить или сомневаться, он просто кивнул.

– Да, это похвально. Но не похоже, что вы остановились. Знаете, у меня есть знакомые, которые, если не хотят что-то забыть, ставят крестик на ладони. Вот и я решил поставить вам крестик, чтобы вы всегда помнили, что делать можно, а что – нельзя.

Его показная вежливость раздражала хуже любой злобы. Если бы Смоленский злился, он хотя бы остался человеком… Однако из-за этого абсолютного спокойствия Ярославу казалось, что он говорит с роботом – или демоном. Может, в городе, при свете дня, все было бы иначе, но лес и ночь меняли многое, стирая привычную границу реальности.

– И что теперь? – спросил он.

– По-хорошему, мне следовало бы сделать этот урок более запоминающимся. Раз уж это урок! Но, опять же, у меня есть причины для исключения.

– Леон… кто он вам?

Хотелось обращаться к этому мелкому хорьку на «ты», но почему-то не получалось.

– Кредитор, – усмехнулся Смоленский.

– Я не понимаю…

– И не нужно.

– Значит, я должен перестать следить за вами? И ничего не рассказывать Леону?

– Перестать следить – это обязательно. Забавно думать, что кто-то пытался обыграть меня на моей территории. А вот не рассказывать… Ни в коем случае. Господин Аграновский обязательно поинтересуется, что случилось с вашей рукой. Расскажите ему все.

– Как вы меня покалечили?

– Как я сохранил вам жизнь. Удачи вам. Надеюсь, восстановление будет не слишком долгим.

Смоленский развернулся и направился прочь, словно ничего и не случилось. Два грибника встретились, поговорили и разошлись, все в порядке! За ним последовали его головорезы, которые будто бы забыли, что прибили человека к дереву.

А Ярослав так и остался стоять у сосны. После такого он мог бы обратиться в полицию или попытаться отомстить, но он уже знал, что не сделает ни того, ни другого. Поэтому Смоленский и не боялся показывать свое лицо! Он умел быть убедительным.

Ярослав понятия не имел, что связывает Леона и этого психа. Зато он знал, что ему самому, можно сказать, повезло – ему дали шанс!

Скорее всего, последний.

Глава 4. Эдвард Теодор Гейн

А ведь он всерьез намеревался отступить… Не потому, что так сказала Анна. Что бы он ни чувствовал по отношению к Анне Солари, это не было для Леона причиной слушаться ее, как ручная собачка. Нет, скорее, отступить он хотел, потому что его интриговало новое расследование. Оно было сложным – сложнее, чем все, с чем он сталкивался раньше. Леон хотел сконцентрироваться только на этом, а возню с Вадимом Смоленским оставить на потом точнее, с Юпитером.

Но Юпитер этот сам бросил ему вызов. По крайней мере, Леон воспринимал это именно так. Ярик был не просто партнером по бизнесу – он был другом. А с его друзьями, равно как с его семьей, так не поступают.

Сам Ярик был преисполнен своей обычной жизнерадостности и делал вид, что ничего не случилось.

– Да подумаешь, ладошку порезал! – хохотал он. – Это вовсе не повод носиться со мной, как курица с цыпленком. Заканчивай!

Впрочем, это сейчас он снова стал таким бойким. Леон чувствовал: там, в лесу, все было по-другому. Ярик сам не из робкого десятка, он был солдатом, он мало чего в этой жизни боялся. И все же Юпитер сумел сделать что-то такое, что серьезно повлияло на него.

Теперь страх отступил, и Ярик определенно не знал, что делать дальше. Сдаться или отомстить? Продолжить поиски, наплевав на все, или воспринять предупреждение всерьез?

Леону предстояло принять такое же решение. Ведь расследование «дела тридцати семи» никуда не исчезло, оно как раз было в самом разгаре! Он хотел разобраться в этом и остаться рядом с Анной, но и то, что случилось, он тоже игнорировать не мог.

Поэтому он отправился вместе с Яриком на очередную перевязку. Ему нужно было видеть, что именно сделал Юпитер, насколько наглым было это нападение. Как на такое вообще ответить?

Ярик, естественно, сопротивлялся. Не из-за того, что боялся, просто для него это было символом поражения, напоминанием о моменте слабости. Однако Леон умел настаивать на своем, ему нужно было увидеть – и он увидел.

На «порезанную ладошку» это никак не тянуло. Рана была жуткой, сквозной, врачам пришлось наложить десятки швов, чтобы хоть как-то соединить ее края. Похоже, уже при нападении Ярик получил серьезную травму, и стало лишь хуже, пока он освобождался. Сейчас рана выглядела зловещим черным пятном, покрытым засохшими корками крови. Кисть руки воспалилась и опухла, однако врачи в один голос убеждали, что ничего страшного уже не произойдет. Нужно лечение, время – и терпение.

Нет, мимо такого Леон пройти не мог. Желание отложить дело Юпитера на потом испарилось само собой. Возможно, этот тип действительно гений – Анна умеет правильно оценивать людей. Однако это не означает, что с ним никто не сможет справиться!

Он не говорил о своем решении, но Ярик все понял сам.

– Ты ведь будешь искать его, да? – спросил он, когда они шли к машине.

– Да.

– Этот тип опасен…

– Поверь мне, я знаю, – криво усмехнулся Леон. – Ну и что? Мне уже доводилось встречаться с опасными типами.

– Тут другое… Не знаю, как это описать, какое слово подобрать… Но я просто чувствую, что он отличается ото всех, вообще ото всех.

– Подозреваю, что ты прав.

– Ты скажешь Ане?

– Нет. Точно нет. И ты не говори!

– Не буду…

Анна определенно много знала об этом Юпитере, и эти знания тяготили ее. Поэтому Леон не собирался втягивать ее в преследование. Понятно, что с ее помощью было бы проще. Но это как раз тот случай, когда цель не оправдывает средства. Пусть Анна сосредоточится на поиске убийцы из парка, тем более какая-то зацепка у нее, похоже, есть. Со всем остальным Леону предстояло справляться самому.

По крайней мере, так он думал. А потом Ярик заявил:

– Я хочу помочь тебе.

– Тебе мало было?! – поразился Леон.

– Уж точно недостаточно, чтобы остановить меня!

– Псих ты все-таки… Послушай, без шуток, мне не следовало втягивать тебя в это…

– Да какие шутки? Вот это, – Ярик демонстративно поднял вверх перебинтованную правую руку, – уже личное. А насчет того, что ты меня втянул… Я знал, на что иду. Я хотел помочь тебе, но я сразу понимал, что это не игра.

Утверждение было спорным: Ярик был из тех, кто, возможно, никогда до конца не повзрослеет. Однако Леон не спешил и дальше с ним пререкаться. Он знал, что его напарник достаточно упрям, чтобы все равно влезть в это дело, даже если ему запретят. Собственно, именно так Ярик и спровоцировал Юпитера! Он продолжил расследование, хотя его попросили этого не делать.

А если так, разумней будет держать его под присмотром. Да и дело это достаточно сложное, тут любая помощь пригодится.

– Хорошо, – кивнул Леон. – Будешь на подхвате.

– Вот, теперь ты дело говоришь! – оживился Ярик.

– Но на этот раз давай побольше дисциплины, а? Ты ранен, и ранен серьезно. Больше не суйся никуда сам, делай только то, что я скажу.

– Окей, шеф. Какой будет приказ?

– Да пока никакого…

Леон и правда не знал, с чего начать. Всю ту информацию, что они собрали на Юпитера, можно было официально считать пустышкой. Своим нападением на Ярика он показал, что заметил слежку. Если они попробуют пойти тем же путем, он среагирует жестко. Вопрос в том, есть ли другой путь!

Но нужная дорога нашла их сама. Еще начиная это расследование, Леон просил бывших коллег из полиции о помощи. И вот к вечеру знакомый, все еще работавший следователем, позвонил ему.

– Помнишь, ты просил отслеживать все, что будет по тому делу о нападении возле ресторана? Ну, где двух телохранителей убили?

– Помню, – подтвердил Леон. – И помню то, что у вас по этой истории ничего толкового не было.

– Теперь вот появилось. По описанию, данному свидетелями, и записям с камер наблюдения на соседних улицах удалось опознать одного из нападавших. Если учитывать его биографию, это вполне мог быть их главный. Этот тип обычно таким занимается.

Леон почувствовал, как сердце забилось чуть быстрее – такое всегда бывало в предвкушении близкой охоты. Ужасная черта, которая наверняка шокировала бы Диму с его верой в «дурную кровь убийцы». Но Диме не повредит то, о чем он не знает, а с собой Леон давно примирился.

– Что за тип?

– Зовут Денис Миртов, – ответил следователь. – Бывший военный. С тех пор, как вернулся в Москву, промышляет в основном организацией.

– Убийств?

– Убийств – тоже, но налоги он платит не по этой части. Он обеспечивает охрану всем, кто в состоянии за это заплатить.

Ну а где охрана – там и обратное, нападение. Да, Денис Миртов вполне подходил на роль организатора покушения. Если окажется, что это именно он бил ножом Юпитера, его судьба уже предрешена.

– Его задержали?

– Нет, – мрачно ответил следователь. – Поэтому я тебе и звоню.

– А я думал, по старой дружбе!

– Нет у нас с тобой старой дружбы, сам знаешь. И я никогда не поощрял участие в расследованиях посторонних. Хочешь ловить преступников – возвращайся в полицию, точка.

– Да уж, у вас же монополия, – усмехнулся Леон. – Но вот ты все равно звонишь мне. Почему?

– Потому что я вижу, что это дело кто-то пытается закрыть. У нас есть все основания для задержания Миртова, мы уже готовы были это сделать, и тут поступил приказ: оставить его в покое, не искать и вообще не трогать. Оставить в покое, Леон! Нашего главного и единственного подозреваемого! Ты понимаешь, что это значит?

– Что он не подозреваемый, он сто процентов стоит за этим.

– Сто или не сто – не знаю, но он точно связан со случившимся. А наверху делают вид, что его вообще не существует! Короче, мне полагается оставить его в покое, и я оставляю. Тебе же я звоню, чтобы поделиться негодованием – и больше ничего.

– Это я понял… Спасибо.

Вряд ли улики против Дениса Миртова изначально были такими уж серьезными. Но вот это покровительство, попытка укрыть его… медвежья услуга! Такой шум не поднимают, когда человеку нечего бояться. Скорее всего, Миртов не просто виновен, он по какой-то причине не сможет это скрыть. Хотя странно, конечно, обычно военные неплохо справляются с допросами.

Вопрос в том, кто его прикрывает, и тут может быть три варианта.

Первый – это военные. Если Миртов в свое время отличился и у него остались серьезные друзья, они могут помочь ему по старой памяти. Для них не так важно, что он пытался кого-то убить и убил, они там сентиментальностью не отличаются.

Второй – его прикрывает заказчик преступления. Миртов пригрозил, что сдаст его, если попадется, и вот этот тип закрутился. Возможности его влияния на полицию поражают, но от того, кто решился напасть на Юпитера, меньшего ждать и не приходится.

Третий вариант – сам Юпитер. И вот это как раз плохо. Он не пытается спасти Дениса Миртова, он просто считает, что закон будет недостаточно суров. Судя по тому, что этот урод сделал с Яриком, у него свои представления о справедливости и наказании.

– Ну что? – полюбопытствовал Ярик, когда разговор был завершен. – Есть у нас что-то?

– Есть, и это важно. Но прямо сейчас я этим заняться не могу. – Леон посмотрел на часы. У меня через сорок минут встреча с Анной.

– Так давай я займусь!

– Займешься, но строго по моим указаниям, как и обещал.

Ярик возмущенно фыркнул, но спорить не стал. Видимо, искалеченная рука кое-чему его научила.

– И какие же будут указания?

– Ты сидишь в офисе и ждешь моего возвращения. Не высовываешься, не прешься самостоятельно спасать мир, не открываешь дверь посторонним.

– Совсем как мама учила. Я просто сижу и ничего не делаю?

– Нет, сделать как раз придется. Я хочу, чтобы ты нашел мне всю информацию о Денисе Миртове. Кто какой, чем жил раньше, где обосновался, что у него за семья – все. Поговорим с ним, когда я вернусь. Точнее, я поговорю, а ты поедешь со мной, если захочешь, и если…

– Если что? – поторопил его Ярик.

– Если к этому моменту он еще будет жив.

* * *

Он никогда раньше такого не делал, да и сейчас не следовало бы. Но по-другому почему-то не получалось.

Обычно Дмитрий не лез в расследования. Он делал для восстановления справедливости все, что мог, как судмедэксперт. Но когда доходило до бесед со свидетелями или поиска подозреваемых… Нет, он так не умел, у Леона, при всех его недостатках, получалось куда лучше. Да и у этой сумасшедшей тоже! Они умели найти с людьми общий язык, а Дмитрий, оказавшись на чужом поле, обычно терялся и не чувствовал никакой уверенности.

Так что поначалу он был уверен, что и тут не полезет на рожон. Но это дело не отпускало его… Стоило ему закрыть глаза, как ему снова мерещились тела из парка. Дело было не в самой смерти, Дмитрий за свою карьеру видел не одну сотню трупов. Дело было… в неправильности, что ли. С этими людьми поступили чудовищно, как со скотом, использовали их, а потом закопали без могил, как мусор.

Мысль о том, что подонок, устроивший это, может остаться безнаказанным, злила его. Дмитрию казалось, что следователи занимаются не тем и не так. Даже Леон и Анна возились непонятно с чем, хотя он пытался указать им, что нужно делать!

– Мы как-нибудь сами разберемся, – только и ответил ему брат.

– Но вот же свидетельница есть, настоящая, важная!

– Не такая важная, как тебе кажется.

– Почему нельзя с ней поговорить? – настаивал Дмитрий.

– Потом поговорим, когда станет точно ясно, что ее показания важны.

– Чем раньше, чем лучше!

– Слушай, чего ты завелся? Если тебе так хочется, иди и поговори!

Вот с чего все началось. Тогда это были просто слова, которые Дмитрий и всерьез-то не воспринял. Но они не отпускали его, крутились в памяти, как комар, от которого просто не отмахнуться. Действительно, а почему бы не попробовать самому? Хотя бы в этот раз – потому что так нужно.

Он не выдержал, рассказал обо всем жене, и она поддержала его. Мила только уточнила:

– Это не опасно?

– Нет.

– И следствию не навредит?

– Нет, не думаю.

– Тогда езжай и поговори с этой женщиной. Возможно, это действительно важно. А если нет… Тебе, по крайней мере, станет спокойней.

Они с Милой могли ссориться сколько угодно и не понимать друг друга. Однако она всегда знала, что по-настоящему важно. Дмитрий до сих пор не мог

поверить, что он чуть не потерял ее по глупости!

Рассказать ту же правду Лидии он не мог. Ему и с Милой говорить не следовало: все материалы по этому делу оставались секретными. Но в Миле он не сомневался, она его не выдаст. А Лидия, если узнает, тут же в интернет взволнованный пост настрочит!

Поэтому она узнала лишь о том, что сегодня прогулки с ней и сыном не будет. Раскричалась, конечно, но иначе и быть не могло. Если бы она вдруг приняла такую новость тихо и смиренно, значит, она в заложниках у террористов – или ее заменили на клона. Но Лидия осталась верна себе, она вопила, что никогда больше не подпустит его к сыну, раз он такой хреновый отец. Раньше эта угроза пугала, теперь – нет. Дмитрий знал, что через пару дней она успокоится и сама позвонит. Даже к лучшему, что она и малыш останутся в стороне от этой грязи.

Теперь, когда все формальности были улажены, можно было приниматься за дело.

Пока опознать всех погибших из парка не получалось – куда там! Им удалось добиться хоть каких-то сведений лишь по четверти тел, да и там предстояло провести проверку. Но в одном случае погибшая оказалась гражданкой России. А это уже много, это первый шанс узнать, как маньяк выбирал своих жертв! Почему Леон не воспользовался таким преимуществом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ol-hovskaya_vlada/nasledie-edvarda-geyna

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить